

Марк Твен

Приключения Гекльберри Финна

Предостережение

За покушение отыскать побудительную причину появления на свет этого рассказа возбуждено будет судебное преследование. Попытка извлечь из романа какую-нибудь мораль наказуется ссылкой, а за посягательство отыскать в нем затаенный смысл виновные будут расстреляны по приказу автора начальником его артиллерии.

Глава I

Цивилизуют Гека. — Моисей и камыши. — Мисс Ватсон. — Том Сойер ждет.

Если вы не прочли книгу, озаглавленную «Похождения Тома Сойера», то вы обо мне ровнехонько ничего не знаете. Тут, впрочем, нет ничего особенно законопреступного. Книга была написана Марком Твеном, вообще говоря, довольно правдиво. Понятно, что дело не обошлось без кое-каких прикрас, но ведь на этом, как говорится, свет стоит. Почти все, с кем мне до водилось

встречаться, лгали малую толику в тех или других случаях. Исключение из общего правила составляют лишь: тетушка Полли, да вдовушка, да еще, может быть, рыжеволосая красавица Мэри. Тетушка Полли — та самая, что приходится теткой Тому. Про нее и вдову Дуглас рассказывается в упомянутой уже книжке, вообще говоря, правдивой, если не обращать внимания на некоторые в ней прикрасы. Что касается до Мэри, то о ней будет речь впереди.

Обо мне самом кое-что сообщается в «Похождениях Тома Сойера». Там рассказывается, как мы с Томом нашли деньги, спрятанные разбойниками в пещере, и таким образом разбогатели. На долю каждого из нас пришлось по шесть тысяч долларов чистым золотом. Странно было даже смотреть на такую уйму де нег, сложенную правильными столбиками. Судья Тэтчер забрал все эти деньги и отдал их на проценты, вследствие чего они приносили каждому из нас по доллару в день, в продолжение целого года, то есть гораздо больше, чем мы в состоянии были тратить. Вдовушка Дуглас взяла меня к себе в дом, смотрела на вашего покорного слугу как на родного сына и задалась намерением его цивилизовать. Принимая во внимание убийственно правильный и приличный образ жизни вдовушки, мне было у нее до крайности тяжело, и, когда

пришлось совсем уж невтерпеж, я от нее сбежал. Очувтившись снова в лохмотьях и в большой бочке из-под сахарного песка, я было почувствовал себя опять свободным и довольным, но Том Сойер меня разыскал. Он уговорил меня вернуться к вдовушке и держать себя благопристойно, обещав в награду за это принять меня в шайку разбойников, которую собирался организовать. Ввиду такого заманчивого обещания, я немедленно же вернулся к вдовушке.

Увидев меня, она расплакалась, назвала меня бедным заблудшим ягненком и надавала мне множество других подобных же прозвищ, не имея, впрочем, ни малейшего желания меня оскорбить. На меня опять надели новое платье, в котором я все время обливался потом и чувствовал себя так, как будто все мое тело сведено судорогами. Все вошло опять в прежнюю ко лею. Вдовушка созывала всю семью к ужину по колоколу. Заслышав звонок, надлежало тотчас же явиться в столовую, а между тем, добравшись туда, все-таки нельзя было заручиться немедленно чем-нибудь съестным: приходилось ждать, пока вдовушка, склонив голову, пробормочет малую толику над блюдами, хотя с ними и без того все, по-видимому, обстояло благополучно. Все было сжарено и сварено в меру. Иное дело, если бы подали на стол бочонок какой-нибудь мешанины; тогда заклинания могли бы, пожалуй, оказаться кстати: содержимое лучше

бы перемешалось, выпустило бы из себя сок и стало бы вкуснее.

После ужина вдовушка доставала большую книгу и принималась меня учить про Моисея и тростники. Я выбивался из сил, чтобы узнать про него всю подноготную, и с течением времени добился от вдовушки объяснения, что этот самый Моисей давным-давно уже умер. Тогда я совершенно перестал им интересоваться, потому что не спекулирую такими товарами, как мертвецы.

Через весьма непродолжительное время я ощутил желание курить и попросил вдовушку позволить мне это; она не согласилась — объявила курение нечисто плотной, грязной привычкой и потребовала, чтобы я совсем от него отказался. Люди сплошь и рядом вообще таковы — они увлекаются вещами, о которых ровнехонько ничего не знают. Вот хоть бы госпожа Дуглас: увлекалась Моисеем и постоянно твердила про него, хотя он, сколько мне известно, не доводился ей родней. К тому же от него не могло получиться ни малейшего прока для кого-либо, так как он ведь давно уже умер. При всем том, госпожа Дуглас страшно набрасывалась на меня за курение, в котором все-таки был некоторый прок. А между тем, сама вдовушка нюхала табак и не находила в этом ничего дурного, без сомнения, потому, что делала это сама.

К госпоже Дуглас только что приехала и поселилась на жительство мисс Ватсон, довольно худощавая старая дева в очках. Вооружась азбукой, она напустилась на меня и беспощадно обрабатывала чуть не целый час, пока вдовушка не упростила ее отпустить мою душу на покаяние. Я и в самом деле не мог бы выносить долее такую пытку. Затем, приблизительно с час, стояла смертная скука. Я то и дело ерзал на стуле, а мисс Ватсон ежеминутно меня останавливала. «Сидите смирно, Гекльберри! — Не болтайте ногами! — К чему вы так скрючиваетесь?! — Держитесь прямее! — Не зевайте и не потягивайтесь, Гекльберри! — Неужели вы не можете вести себя благопристойнее?» — говорила она мне, а затем принялась объяснять, что при таком дурном поведении не мудрено угодить в очень нехорошее место, именуемое адом. Я по простоте души решил, что мне не мешало бы там побывать, и откровенно сообщил ей об этом. Она ужасно взбесилась, хотя с моей стороны не было тут ни малейшего дурного умысла. Мне вообще хотелось уйти куда-нибудь; куда именно — было для меня совершенно безразлично, так как я жаждал, в сущности, только перемены. Старая дева объявила, что с моей стороны было очень дурно говорить такие вещи, что сама она ни за что на свете не скажет ничего подобного и намерена жить так, чтобы попасть в

место злачное, «идеже праведные упокоиваются». Я лично не видел для себя ни малейшей выгоды находиться в одном месте с нею, а потому решил в уме своем не делать ни малейших к тому попыток. Впрочем, я не стал ей рассказывать о своем решении, так как это могло бы ее только рассердить и не принесло бы мне никакой пользы.

Мисс Ватсон, почувствовав себя пущенной в ход, не могла скоро остановиться и продолжала мне рас сказывать про место злачное. Она уверяла, будто по павшему туда человеку живетса прекрасно: он целый день до скончания веков только и делает, что расхаживает себе с арфой и поет. Меня эта перспектива особенно не прельщала, но я не высказал ей своего мнения, а только спросил, как она думает: попадет ли Том Сойер в место злачное или нет? Она тяжело вздохнула и, помолчав немного, ответила в отрицательном смысле. Я этому очень обрадовался, так как мне до чрезвычайности хотелось с ним не разлучаться.

Мисс Ватсон продолжала меня шпиговать; мне это очень надоело и наскучило. Под конец, однако, при звали в комнату негров, принялись читать молитвы и разошлись по спальням. Я ушел в свою комнатку со свечою, которую и поставил на стол, а затем, усевшись возле окна на стул, пробовал думать о чем-нибудь позабавнее, но у меня не выходило ничего путного. Мне стало так

грустно, что в эту минуту хотелось даже умереть. Звезды блестели, казалось, как-то печально; из леса доносился грустный шелест листвы; где-то вдалеке кричала сова, разумеется, над покойником; слышалось завывание собаки и жалобный крик «уйв-поор-вилль», предвещавший чью-то смерть; ветер принимался что-то нашептывать, чего я не мог разобрать, но отчего у меня выступил по всему телу холодный пот. Затем я услышал из леса глухой голос мертвеца, которому надо, но не удастся высказать то, что лежит у него на душе. Бедняга не может спокойно лежать в своей могиле и должен бродить по ночам в ненадлежащих местах. Я совершенно упал духом и огорчился особенно тем, что у меня не было под рукой никакого товарища. Вскоре, однако, спустился на меня паук и пополз по моему плечу.

Я поспешно стряхнул его с себя, а он упал прямо на свечу и, прежде чем я успел пошевелиться, весь сморщился и обгорел. Я знал и сам, что это было страшно дурное предзнаменование и что гибель паука принесет мне несчастье. Это меня до такой степени расстроило, что я чуть не разодрал на себе одежду. Правда, что я тотчас же встал и трижды обошел вокруг комнаты по одним и тем же следам, каждый раз осеняя себя крестом, а затем перевязал клок своих волос ниточкой, чтобы обезопасить себя таким образом от

ведьм. Тем не менее я все-таки не мог чувствовать себя совершенно спокойным. Это помогает, когда вместо того, чтобы приколотить найденную лошадиную подкову над дверьми, ее потеряешь, но я никогда не слышал, чтобы можно было подобным же образом предотвратить несчастье после того, как случится убить паука.

Дрожа всем телом, я уселся опять на стул и достал себе трубку, собираясь курить. В доме теперь стояла мертвая тишина, и вдовушка никоим образом не могла узнать о моей проделке. Но вот, по истечении долгого времени, я услышал, как часы где-то далеко в городе начали бить: бум, бум, бум... Они пробили двенадцать раз, и затем все опять стихло и даже стало как будто тише, чем прежде. Вскоре после того я услышал, как внизу, в темноте, в чаще деревьев хрустнула ветка, и, затаив дыхание, стал прислушиваться. Тотчас же после того раздалось оттуда кошачье мяуканье: «Мяу-мяу!..» «Ну, это ладно», — сказал я сам себе и тотчас же ответил в свою очередь: «Мяу-мяу!..» — по возможности мягким и нежным тоном, потушил свечу, вылез из окна на крышу сарая, потихоньку скатился по ней, спрыгнул наземь и пробрался в чащу деревьев. Там, действительно, я увидел поджидавшего меня Тома Сойлера.

Глава II

Мы с Томом счастливо спасаемся от Джима. — Джим. — Шайка Тома Сойера. — Глубокомысленные планы.

Мы шли на цыпочках между деревьями, направляясь к дальнему концу сада и пригибаясь так, чтобы ветки не цеплялись нам за головы. Проходя мимо кухни, я споткнулся о корень какого-то дерева и упал, причем наделал, разумеется, малую толику шума. Мы прилегли к земле и лежали совершенно неподвижно. Джим, рослый негр девицы Ватсон, сидел как раз в дверях, на пороге. Мы различали его совершенно явственно, так как в кухне горела свеча. Он встал, вытянул шею, молча прислушивался с минуту и затем спросил:

— Кто там?!

Не получая ответа, он снова начал прислушиваться, а потом вышел на цыпочках из кухни и остановился как раз в промежутке между мною и Томом. Мы были от него так близко, что чуть не дотрагивались до него. В течение нескольких минут, показавшихся мне очень долгими, не слышно было ни одного звука, а между тем мы все трое почти касались друг друга. Как раз в это время у меня зачесалось возле щиколотки, но я не осмелился почесаться. Вслед за тем у меня страшно засвербило возле уха, а потом на спине,

как раз между плечами. Мне казалось, что я просто-напросто умру, если вздумаю удержаться дольше. Кстати, мне доводилось замечать не раз впоследствии за собою это свойство: как толь ко находишься в приличном обществе или на похоронах, пытаешься уснуть, не чувствуя к этому особенной охоты, — короче говоря, каждый раз, когда чесаться совсем некстати, непременно ощущается позыв к этому чуть ли не в тысяче местах. Вскоре, однако, Джим прервал молчание и спросил:

— Кто же ты такой? Где вы?! Разорви пес моих кошек, если я не слышал здесь что-то такое! Ну, ладно! Я уже знаю, что сделаю! Я сяду вот здесь и стану слушать, пока не услышу что-нибудь опять.

Усевшись на тропинке так, что приходился как раз между мною и Томом, он прислонился к дереву и широко раскинул ноги, вследствие чего одна из них чуть не задела за мою ногу. Тогда у меня начал чесаться нос до того, что слезы выступили на глазах, но я все-таки не смел чесаться; затем что-то принялось меня щекотать внутри носа и, наконец, прямо под носом над губою. Не знаю, право, как мне удалось сдержаться и лежать смирно. Такое злополучное со стояние длилось минут шесть или семь, но эти минуты казались мне вечностью. У меня чесалось в

одиннадцати разных местах; я чувствовал, что не в силах выдержать ни одной минуты более, а потому стиснул зубы и решился попытаться счастья. Как раз в это мгновение Джим принялся тяжело дышать и тотчас же после того захрапел. Я не замедлил тогда успокоиться и прийти в нормальное состояние. Том подал мне сигнал, легонько зачавкав губами, и мы поползли далее на четвереньках. Когда мы отползли футов на десять, Том шепнул мне, что недурно было бы при вязать Джима шутки ради к дереву, но я категорически отказался, объяснив, что негр может проснуться и поднять такой крик, что разбудит весь дом, а тогда откроется мое отсутствие. Тому пришло тут неожиданно в голову, что он захватил с собой слишком мало свечей, а потому он изъявил желание зайти на кухню и позаимствовать там. Я советовал ему воздержаться от подобной попытки, так как Джим мог тем временем проснуться и отправиться туда тоже. Тому хотелось, однако, совершить во что бы то ни стало какой-нибудь рискованный подвиг. Мы вдвоем с ним поэтому пробрались тихонько на кухню и раздобыли там три свечи, в уплату за которые Том положил на стол пять центов. Затем мы вышли из кухни, и мне страшно хотелось убраться оттуда подальше, но я ни как не мог совладать со своим товарищем. Он пополз опять на четвереньках к тому месту, где спал Джим, чтобы

сыграть с негром какую-нибудь шутку. Я ждал его с нетерпением, и мне казалось, что он очень медлит, так как всюду кругом стояла мертвая тишина.

Тотчас же по возвращении Тома мы продолжали свой путь по тропинке, обогнули садовый забор и постепенно взобрались по крутому склону холма на самую вершину. Том рассказал мне при этом, что снял с головы Джима шляпу и повесил ее на сучке того самого дерева, под которым спал негр. Джим при этом слегка зашевелился, но не проснулся. Впоследствии Джим уверял, что ведьмы его околдовали, при вели его в состояние невменяемости и разъезжали на нем по всему штату, а затем снова усадили под де ревом и, чтобы устранить все сомнения, повесили его шляпу на сук. На другой день, повторяя этот рассказ, Джим добавил, что ведьмы съездили на нем в Новый Орлеан, и после того, с каждым новым пересказом, все более расширял область своих странствований. Под конец выяснилось, что ведьмы ездили на нем по всему свету, замучили его чуть не до смерти, жесточайше намяли ему спину. Понятное дело, что Джим ужасно этим возгордился. Дело дошло до того, что он почти не устаивал других негров своим вниманием. Они приходили иногда за несколько верст по слушать его похождения, и он стал пользоваться в их среде необыкновенным уважением и почетом.

Совершенно чужие негры стояли иной раз возле забора, разинув рты, и глядели на Джима, словно на какое-то чудо. Когда стемнеет, негры, сидя возле огонька на кухне, всегда толкуют между собой про колдунов и ведьм. Если кто-нибудь заводил такой разговор и пытался выказать себя по этой части сведущим человеком, Джиму стоило только войти и сказать: «Гм, разве вы знаете что-нибудь о волшебстве?» — и словоохотливый негр, словно кто-нибудь закупорил ему горло пробкой, тотчас же умолкал, а затем потихоньку стушевывался в задние ряды. Джим просверлил дырочку в пятицентовой монете и, продев в нее шнурок, носил монету постоянно на шее, объясняя, что это талисман, собственноручно переданный чертом, объявившим, что можно лечить им от всех болезней и, в случае надобности, вызывать колдунов и ведьм. Для этого следовало произнести только маленькое заклинание, которое он держал, разумеется, в секрете. Негры собирались к Джиму со всей округи и отдавали ему все, что у них имелось, только для того, чтобы поглядеть на эту пятицентовую монету, но ни под каким видом не соглашались до нее дотронуться, зная, что она побывала в руках у самого дьявола. Джим, в качестве слуги, пришел в полную негодность: до такой степени он сделался надменным и тщеславным после того, как лично повидался с чертом и возил на своей спине ведьм.

Взобравшись на самую вершину холма, находившегося позади дома госпожи Дуглас, мы окинули взглядом деревушку, лежавшую внизу, и заметили три или четыре огонька, мерцавших в окнах домов, где, вероятно, имелись больные. Звезды над нами сияли еще ярче этих огоньков, а внизу, за деревней, протекала река, шириной в целую милю, величественная и спокойная. Спустившись с холма, мы разыскали Джо Гарпера, Бена Роджерса и еще двух или трех мальчиков, поджидавших нас в старой заброшенной кожемятне. Отвязав лодку, мы сели в нее и спустились вниз по реке, приблизительно на две с половиной английских мили, до глубокой впадины нагорного берега.

Причалив там, мы сошли на берег и дошли до места, поросшего кустарником. Том взял со всех мальчиков клятву не выдавать его тайны, а затем провел нас сквозь самую густую чащу к пещере, находившейся в холме. Там мы зажгли свечи и проползли на руках и коленях приблизительно шагов с полтора-два сквозь низенький узенький проход. Затем этот подземный коридор сделался выше, так что можно было идти уже стоя. Том принялся заглядывать в разные боковые его ходы. Вскоре он нагнулся и исчез в стене, где никто посторонний и не заметил бы существования отверстия. Пришлось пробираться несколько десятков шагов опять по

узкому коридору, а затем мы вошли в довольно обширное помещение, мглистое, сырое и холодное. Там мы остановились, и Том обратился к нам со следующим заявлением: «Теперь мы составим шайку разбойников, которая будет именоваться шайкой Тома Сойера. Каждый, кто хочет присоединиться к ней, должен присягнуть на верность товарищам и подписаться под этой присягой собственной своей кровью!» Том вытащил из кармана лист бумаги, на котором была написана присяга, и прочел ее нам вслух. Каждый мальчик принимал на себя клятвенное обещание стоять за шайку и не выдавать никогда ее тайн. Если кто-нибудь нанесет оскорбление мальчику, принадлежащему к шайке, обидчик и его семья немедленно должны быть умерщвлены тем из разбойников, кому это будет предписано атаманом. Получившему такое предписание воспрещается есть и спать до тех пор, пока он не умертвит намеченных жертв и не вырежет у них на груди крест, долженствовавший служить условным отличительным знаком шайки Тома Сойера. Лицам, не принадлежавшим к шайке, запрещалось пользоваться этим клеймом. Против виновного возбуждалось на первый раз судебное преследование, а в случае повторения он приговаривался к смерти. Если бы кто-либо из членов шайки осмелился раз гласить ее тайны, его

ожидала страшная участь. Клятвопреступнику сперва перерезали бы горло, а затем сожгли его труп и рассеяли его пепел по ветру, вычеркнули бы его имя собственной кровью из списка разбойников и никогда больше о нем не вспоминали, иначе как с самыми ужасными проклятиями. Лучше же всего признавалось не вспоминать вовсе об изменнике и предать его имя вечному забвению.

Нам всем эта формула присяги очень понравилась, и мы расспрашивали Тома, неужели он сам придумал такую чудную вещь? Он чистосердечно сознался, что кое-что принадлежало ему лично, но большая часть была заимствована из книг, где описывались подвиги сухопутных и морских разбойников. По его словам, каждая порядочная разбойничья шайка непременно имела свою собственную присягу.

Некоторым из нас пришло на ум, что было бы недурно вырезать всю семью мальчика, изменившего шайке. Том признал эту идею блестящей и сделал тут же карандашом соответствующее добавление в присяжном листе. Тогда Бен Роджерс заметил:

— Ну, а вот, например, Гек Финн, у которого нет семьи! Как же мы применили бы к нему этот пункт?

— Да ведь у него есть отец, — возразил Том Сойер.

— Положим, что так, но его отца и с собаками теперь не разыщешь. Прежде, бывало, он пьяный валялся со свиньями в кожемятне, но вот уже около года, как о нем нет ни слуху ни духу.

По этому спорному вопросу возгорелись жаркие прения. Меня хотели было исключить из числа кандидатов в разбойники, ссылаясь на отсутствие семьи или вообще человека, которого в случае моей измены можно было бы зарезать, вследствие чего я оказывался будто бы в более выгодном положении, чем остальные члены шайки. Никто не мог придумать выход из этой ситуации, все мы находились в недоумении и молчали. Я готов был уже расплакаться, как вдруг у меня блеснула счастливая мысль: я предложил за себя в поручительницы мисс Ватсон.

— Если я вздумаю изменить, можно ведь будет ее зарезать!

Все тотчас же радостно воскликнули:

— Понятное дело, можно! Все, значит, теперь в порядке! Гек может поступить в шайку!

Каждый из нас уколол палец булавкой, чтобы до быть для подписи кровь, а я по неграмотности по ставил на присяжном листе крест.

— Ну, чем же будет промышлять наша шайка? — спросил Бен Роджерс.

— Единственно лишь разбоем и убийством, — отвечал Том Соьер.

— Что же будем разбивать? Дома, скотные дворы или...

— Нам неприлично заниматься такими делами! Это было бы не разбоем, а просто грабежом; мы же не грабители, а настоящие разбойники, рыцари большой дороги. Мы будем надевать на себя маски, останавливать дилижансы и кареты, убивать прохожих и отбирать у них деньги и часы.

— А разве непременно надо убивать?

— Разумеется, надо. Это считается лучшим способом разделываться с проезжими. Некоторые авторитеты держатся на этот счет другого мнения, но большинство находит всего уместнее убить, и концы в воду. Впрочем, можно будет приводить некоторых путешественников сюда, в пещеру и держать их здесь, пока они не откупятся.

— Как же они откупятся, когда мы все от них отберем?

— Не знаю, но только так уж принято у разбойников. Я вычитал про выкуп в книгах, и нам следует принять это к руководству.

— Чем же мы станем руководствоваться, когда не понимаем, в чем дело?

— Мало ли что не понимаем, а все-таки должны руководствоваться. Ведь я же вам говорил, что это написано в книгах. Неужели вам бы хотелось отступить от печатного текста и заварить

такую кашу, что потом даже не расхлебаешь?

— Все это тебе хорошо говорить, Том Сойер, но все-таки непонятно, каким образом станут откупаться у нас пленники, когда у них за душой не останется ни гроша? Что мы вообще станем с ними делать? В каком смысле, желал бы я знать, надо понимать слово «откупаться»?

— Должно быть, в иносказательном смысле. Вероятно, мы будем держать их у себя в пещере до тех пор, пока они не умрут своей смертью.

— Ну, вот это я понимаю! Так будет, пожалуй, ладно. Так можно было бы объявить с самого начала, что мы будем держать их здесь, пока не откупятся смертью. Нечего сказать, горькая будет их участь, когда у них кончится все съестное и они убедятся в тщетности попыток убежать отсюда!

— Странные вещи говоришь ты, Бен Роджерс! Разве можно убежать, когда здесь будет находиться часовой, готовый пристрелить их, как только они шевельнут пальцем.

— Часовой!!! Этого еще только не хватало! Неужели кому-нибудь из нас придется сидеть целую ночь без сна для того только, чтобы их караулить! Это было бы уже чистой глупостью! Отчего не взять добрую дубинку и не заставить их ею откупиться сейчас же, как только они сюда попадут?

— Нельзя, потому что в книгах ничего про это не написано! Весь вопрос Бена Роджерса заключается в том, следует ли нам поступать по правилам или же попросту действовать наобум. Ведь те, кто писал книги, знали, надеюсь, как именно следовало поступать? Мы с вами не могли бы их, разумеется, ничему на учить, напротив того, нам следует учиться у них. Поэтому, сударь, мы станем обращаться с пленными, как подобает, — по-печатному.

— Ну, ладно, я согласен на все, но только, без шуток, мне это кажется немного несообразным. Что же, будем мы убивать также и женщин?

— Ах, Бен Роджерс, если бы я был таким невежественным человеком, я все-таки не стал бы задавать столь диких вопросов! Разве можно убивать женщин?! Нет, извините, ни в какой книге не встречается ничего подобного. Женщин приводят сюда, в пещеру, и обращаются с ними до гадости вежливо, так что под конец они влюбляются в нас и не выказывают больше ни малейшего желания вернуться домой.

— Ну, что ж, пусть себе живут! Но только я такими делами заниматься не намерен. В нашу пещеру наберется такая уйма всякого бабья и молодцов, ожидающих выкупа, что в ней не останется места для самих разбойников. Впрочем, продолжайте, господин атаман, я не намерен вам

возражать.

Малолетний Томми Барнс к тому времени уснул. Когда мы его разбудили, он пришел в очень дурное расположение духа, расплакался, объявил, что хочет идти домой к мамаше и не желает больше состоять в разбойниках.

Вся шайка принялась над ним смеяться и называть его плаксой. Это его рассердило, и он объявил, что по возвращении домой первым делом выдаст все тайны нашей шайки. Том Смарт дал малютке пять центов для того, чтобы его успокоить, и сообщил, что теперь все мы разойдемся по домам, а на следующей неделе соберемся, чтобы поразбойничать на славу и, без сомнения, уьем тогда немало народу.

Бен Роджерс объяснил, что ему можно отлучаться из дома только по воскресеньям, и выразил желание, чтобы шайка отправилась на добычу в ближайшее первое воскресенье. Все прочие разбойники признали, однако, что по праздникам грех заниматься такими делами. Таким образом вопрос этот был улажен. Мы согласились собраться еще раз и назначить в самом непродолжительном времени день первого нашего выхода на большую дорогу. Затем, с соблюдением всех требуемых формальностей, мы выбрали Тома Сойера старшим атаманом и Джо Гарпера — его заместителем нашей шайки и вернулись восвояси.

Как раз перед рассветом я взобрался на крышу сарайчика и влез оттуда обратно в окно своей комнаты. Новое мое платье было все перепачкано и вымазано глиной, а сам я устал, как последняя собака.

Глава III

*Добрая головомойка. — Торжество
Благодати. — Игра в разбойников. — Духи и
волшебники. — Ложь Тома Сойера.*

Утром я получил от старой девы добрую головомойку за то, что осмелился так безобразно выпачкать платье. Вдовушка меня не бранила. Она только вычистила его самым тщательным образом и казалась при этом до того опечаленной, что я мысленно решил вести себя, если только это мне удастся, хоть некоторое время добропорядочно. Затем мисс Ватсон от вела меня в особую комнату и принялась там усердно молиться за мое исправление, но никакого толку из этого не получилось. Она велела мне молиться каждый день и обещала, что в таком случае мне ниспослано будет все, о чем я буду просить. Так в самом деле, однако, не вышло. Я хотя и пробовал, но у меня ничего путного не выгорало. Однажды я раздобыл себе удочку, но без крючков. Раза три или четыре молился я потом о крючках, но безуспешно. Я

решил, что, должно быть, не умею как следует приняться за дело, и, улучив удобную минутку, попросил мисс Ватсон помолиться о ниспослании мне нескольких крючков к удочке. В ответ на мою просьбу она объявила, что я глуп как пробка, но не объяснила, почему именно пришла к такому заключению. Я сам тоже был не в состоянии сообразить, отчего подобная просьба с моей стороны показалась ей до такой степени глупой.

Раз как-то я ушел в лес и, усевшись там, принялся размышлять на эту тему. При этом невольно у меня возникали вопросы самого щекотливого свойства. Если человеку действительно ниспосылается все, о чем он просит, то отчего же отец Уинн не может вернуть себе деньги, потерянные им в неудачной спекуляции со свиньями? Отчего самой госпоже Дуглас до сих пор не была еще ниспослана украденная у нее серебряная табакерка? Уж на что усердно молится мисс Ватсон, а все-таки остается худощавой, как щепка!.. По здравому размышлению я решил, что рассказы насчет барышей от молитвы — чистейший вздор. Я так объяснил и вдовушке, но она возразила, что молитвою приобретаются исключительно только духовные блага. Это было для меня совершенно уж темною водою во облацех, но почтеннейшая госпожа Дуглас рассеяла мрак моего неведения, сообщив, что человек,

удостоившийся таких благ, чувствует себя обязанным помогать другим, делает для других все, что может, заботится всегда о других и никогда не думает о себе самом. Для меня лично к числу других принадлежала тоже и мисс Ватсон. Я ушел опять-таки в лес, чтобы удобнее предаться размышлению, но не мог усмотреть ни малейшей выгоды для себя самого из обладания подобными духовными благами. Если бы для кого и мог получиться тут барыш, то именно только для других, а не для меня лично. Под конец я решил, что не стоит ломать свою голову над такими рассуждениями. Будь что будет! Потом, может быть, и выяснится в самом деле, как мне лучше всего по ступить. Иногда вдовушка принималась беседовать со мной и рассказывала о божественном Провидении так, что у меня просто начинали течь изо рта слюнки, но мисс Ватсон на другой же день, бывало, разрушит своими словами и объяснениями решительно все, что было создано перед тем ее сестрою, госпожою Дуглас. Постепенно начало у меня возникать убеждение, что, по всей вероятности, существуют два разных Провидения и что бедняге — простому смертному можно было бы еще жить припеваючи с помощью того Провидения, о котором говорила вдовушка, тогда как с божественным Провидением мисс Ватсон ему пришлось бы пропасть всенепременнейшим

образом. Придя к такому заключению, я решил отдаться Про видению вдовушки, если Ему представится во мне какая-нибудь надобность. Вместе с тем, однако, я не мог сообразить, какую выгоду получит Оно от этой операции, так как сознавал себя простым, невежественным, грубым и неблаговоспитанным мальчишкой.

Родной мой отец находился в безвестном отсутствии уже более года, и это обстоятельство было для меня весьма приятно, так как я не имел ни малейшего желания опять с ним свидеться. В трезвом виде папаша имел привычку дубасить меня всегда, как только я попадусь ему под руку, а потому, когда он показывался где-нибудь по соседству, я старался уходить заблаговременно в лес. Недавно распространился было слух, будто мой отец утонул в реке, милях в двенадцати выше нашего местечка. Утопленника признали за моего родителя, так как он был такого же роста, как мой отец, одет в лохмотья и обладал необычайно длинными ми волосами. Лица распознать в точности было нельзя — вследствие долгого пребывания в воде оно успело совершенно уже разложиться. Говорили, будто утопленника нашли плавающим на спине. Его вытащили из воды и похоронили тут же, на берегу. Сперва было я поверил, что моей отец и в самом деле утонул, но мне нельзя было долго утешать себя такой мыслью. Обдумав

хорошенько, я вспомнил, что утонувшие мужчины никогда не плавают брюхом вверх, и тотчас же сообразил, что вместо моего отца похоронили какую-нибудь женщину в мужском платье. После того меня стали опять мучить тревожные опасения. Мне лично вовсе не хотелось встретиться с папашей, но я был уверен, что он с течением времени непременно явится в нашу деревню.

В течение месяца мы несколько раз играли в разбойников, но потом мне это надоело, и я вышел из шайки. То же самое, впрочем, сделали и все остальные мальчики. Мы никого не ограбили и не убили, и только делали вид, будто занимаемся грабежом на большой дороге. Иногда наша шайка внезапно выскакивала из леса и мужественно нападала на стадо свиней или на телеги, в которых женщины везли овощи на рынок. Но мы при этом ограничивались всегда только демонстрациями. Том Сойер называл свиней золотыми слитками, а репу, морковь и т. п. — драгоценными урожаями, украшенными самоцветными камнями. Совершив такой набег, мы удалялись в пещеру, где каждый рассказывал о своих чудесах храбрости и о том, скольких купцов, путешественников и солдат он убил и смертельно ранил. Я, признаться, не видел во всем этом для себя ни малейшего прока. Как-то раз Том велел одному из наших мальчиков бегать по округе с зажженной палкой, называвшейся у нас

«слоганом» и служившей условным знаком для шайки собраться вместе и выступить в экспедицию. Атаман объявил нам, что получил от своих шпионов секретные сведения о приближении богатого каравана. Большая партия испанских купцов и богатых арабов должна была расположиться завтра лагерем в «пустом» ущелье. Караван будет состоять из двухсот слонов, шестисот верблюдов и более тысячи крупных мулов, навьюченных бриллиантами. В охраняющем его отряде насчитывается всего только четыреста солдат. Атаман приказал нам устроить засаду, перебить всех солдат до единого и захватить драгоценности. Нам предписано было отточить сабли, тщательно зарядить ружья и держаться наготове. Надо заметить, что мы принимали такие меры предосторожности каждый раз, когда предстояло совершить нападение на какую-нибудь телегу, нагруженную репой. Сабли наши изготовлялись из длинных щепок, а ружьями служили палки от швабр, пришедших уже в негодность. Несмотря на все наши усилия отточить сабли и зарядить ружья, первыми нельзя было рубить, а вторыми — стрелять. Поэтому мне как-то не верилось, что мы могли справиться с такой толпой испанцев и арабов, но зато мне очень хотелось посмотреть на слонов и верблюдов, и на следующий день, в субботу, я добросовестно занял

пост, предназначенный мне в засаде. По сигналу мы устремились из леса и с громкими криками бросились с холма на караван, который должен был находиться внизу. На самом деле мы не нашли там ни испанцев, ни арабов, ни слонов, ни верблюдов. Вместо всего этого мы встретились с праздничной прогулкой младшего класса нашей сельской школы. Мужественная наша атака напугала детвору и заставила ее обратиться в бегство вверх по долине, оставив нам в добычу несколько пирожков и кусок ветчины. Впрочем, Бен Роджерс подобрал, кроме того, растрепанную куклу, а Джо Гарпер раздобыл себе молитвенник и какую-то назидательную брошюрку, но как раз в это время учительница произвела на нас контратаку с такой энергией, что мы побросали решительно все и поспешно ретировались. Я вовсе не видел бриллиантов, о чем и объявил Тому Сойеру. Он принял, однако, меня уверять, что перед нами были целые горы бриллиантов, принадлежавших испанским и арабским купцам, которые везли их на слонах, верблюдах и мулах.

— Отчего же мы не видели ничего этого? — спросил я.

— Если бы ты не был таким невежественным молокососом и прочел книгу, озаглавленную «Дон Ки хот», то даже и не стал бы обращаться ко мне с такими смешными вопросами. Во всем виновато

тут волшебство, — уверял меня атаман. — Целые сотни солдат, слоны, драгоценности и все такое прочее были тут налицо, но враждебные волшебники, желая нам на солить, превратили в одно мгновение богатый караван в детскую воскресную школу.

Я объявил, что в таком случае нам следовало бы непременно пойти войной на волшебников, но Том Сойер возразил, что такое предложение свидетельствует только о моей крайней молодости и неопытности.

— Прими во внимание, что волшебник может в любую минуту вызвать целую сотню подчиненных ему духов, которые искрошат тебя в мелкие кусочки, прежде чем ты успеешь выговорить такое, например, слово, как «Джек Робинзон». Они вышиною с большое дерево, а толщиной приблизительно с нашу церковь.

— А кто же мешает нам призвать к себе на помощь таких же духов? Разве мы не сможем задать тогда трепку волшебникам?

— Да как же ты их вызовешь, этих духов?

— Доподлинно этого не знаю. Но ведь волшебники вызывают же их каким-нибудь способом!

— Ну да, они принимаются тереть суконной тряпочкой старую жестяную лампу или железное кольцо, и тогда духи являются, смотря по

надобности, в одиночку или целыми сотнями и тысячами. Гром гремит, молния сверкает, и все кругом наполняется дымом. Всякое отданное приказание они исполняют сейчас же и беспрекословно. Для них ничего не стоит вырвать с корнями из земли большую сосну и отколошматить ею по голове инспектора воскресной школы или любого другого, столь же влиятельного, человека.

— Что же заставляет их бесчинствовать таким образом?

— Да вот именно это самое трение лампы или коль ца. Они должны повиноваться тому, кто занимается этим делом, и выполнять все, что он прикажет. Если он велит им выстроить дворец в сорок миль по фасаду из бриллиантов чистойшей воды, наполнить его леденцами, или тянучками, или чем-нибудь иным в этом роде и принести туда дочь китайского императора, чтобы повелитель их мог на ней жениться, — они обязаны выполнить его приказание, и притом не позже восхода солнца на следующий же день. Затем, если ты раздобудешь себе такую лампу или кольцо, то можешь приказать духам перевозить тебя вместе с дворцом куда тебе вздумается, из одного конца света в другой.

— Должно быть, эти духи совсем безмозглые дураки, — возразил я своему атаману. — Ведь им было бы гораздо выгоднее оставить такой дворец себе, вместо того чтобы таскаться с ним по свету,

исполняя чужие капризы. Если бы я был одним из духов, меня на верное не удалось бы оторвать от собственных моих дел и вызвать к какому-нибудь болвану, который потирает сукном старую жестяную лампу.

— Ты все вздор мелешь, любезнейший Финн. Если бы ты был духом, то должен был бы явиться волей или неволей, как только тебя вызвали трением твоего талисмана.

— Да ведь я был бы тогда ростом с самое большое дерево, а толщиной примерно с церковь. Ну, что же! Если бы мне непременно пришлось явиться, я задал бы вызвавшему меня человеку такую трепку, что он невзвидел бы света Божьего, и отобрал бы у него свой талисман.

— Знаешь что, Гек Финн, с тобою не стоит говорить о подобных вещах. Ты в них понимаешь ровно столько же, сколько свинья в апельсинах!

Дня два или три я размышлял обо всем этом и затем решил произвести опыт. Раздобыв старую жестяную лампу и железное кольцо, я ушел в лес и принялся тереть их поочередно шерстяной тряпочкой до тех пор, пока пот начал литься с меня градом. Я хотел построить себе дворец и продать его, но эти расчеты оказались ошибочными, так как духи не пожелали ко мне явиться. Тогда я решил, что все расказы про них были чистойшей ложью милейшего моего Тома Сойера. Впрочем, быть

может, он и сам верил в своих арабов и слонов, но на меня лично они производили совершенно явное впечатление питомцев младшего класса воскресной школы.

Глава IV

Медленно, но благонадежно. — Гек и судья. — Суеверие.

С тех пор прошло три или четыре месяца, наступила настоящая зима. Все это время я почти ежедневно ходил в школу, выучился порядочно читать и малую толику писать. Мне была известна даже таблица умножения от «единожды один — один» до «шестью семь — тридцать пять». Дальнейшего я ни за что не мог вызубрить, даже если бы мне было суждено жить столько же лет, сколько Мафусаилу, и все время не сидеть со школьной скамьи. Я в математике не силен и никаких дел с нею иметь не желаю.

Сперва школа была для меня ненавистой, но мало-помалу я к ней привык, и оказалось, что я могу ее выносить. Если она слишком уж мне надоедала, я от нее отлынивал. Тогда на другой день мне устраивали порку, которая производила на меня каждый раз очень хорошее впечатление, так как я чувствовал себя после нее гораздо веселее и бодрее. Чем дольше я посещал школу, тем легче

становилось для меня туда ходить. Я начал как будто привыкать к жизни у вдовушки, так что меня там уже менее коробило, чем прежде. Правда, мне казалось еще довольно обременительным жить в доме и спать в постели, но до наступления холодов я время от времени уходил украдкой по ночам в лес и спал там до рассвета. Это доставляло мне в некотором роде облегчение. Прежнее житье-бытье нравилось мне все-таки больше, но я начинал немножко любить и нынешнее свое житье. Вдовушка говорила, что я медленно, но благонадежно продвигаюсь вперед и веду себя очень удовлетворительно, так что у нее нет никакого основания очень беспокоиться за меня и стыдиться.

Однажды утром я по нечаянности опрокинул за завтраком солонку и тотчас же схватил щепотку соли, чтобы перекинуть ее себе за левое плечо, дабы предотвратить угрожавшее мне бедствие. Мисс Ватсон, си девшая как раз напротив, помешала мне выполнить эту необходимую процедуру, воскликнув: «Прочь руки, Гекльберри! Ты совсем не умеешь держать себя за столом». Вдовушка за меня заступилась, но тем не менее я знал как нельзя лучше, что это само по себе не могло отвести неминуемое несчастье. После завтрака я тотчас же вышел из дома, так как чувствовал себя не в духе. Дрожь пробегала по всему моему

телу, когда я задавал себе вопрос: действительно ли стряется надо мной теперь беда и в чем именно она будет состоять? В некоторых случаях удастся предотвратить такую беду теми или иными способами, но я знал, что на этот раз они неприменимы, а потому даже не пытался прибегать к предохранительным мерам. Впрочем, хоть я и был в очень подавленном состоянии, но все-таки внимательно всматривался во все окружающее, ожидая, что вот-вот сейчас со мною случится что-нибудь ужасное.

Спустившись в палисадник, я по ступенькам пере лаза перебрался через высокий забор на улицу. Земля была покрыта пластом свежеснежавшего снега толщиною, по крайней мере, с дюйм, и на этом снегу я увидел отпечатки чьих-то следов, выходящие из соседней каменоломни. Человек, оставивший после себя следы, подошел к перелазу, постоял некоторое время около него, а затем удалился, идя вдоль садовой ограды. Мне показалось странным, отчего он не зашел в дом, если уже дошел до перелаза? Я никак не мог разъяснить себе это обстоятельство, но оно очень меня интересовало, так что я уже собирался пойти по следу, но предвари тельно нагнулся, чтобы обстоятельно его рассмотреть. На первый взгляд я не заметил ничего особенного, но вслед за тем мне бросилось в глаза изображение креста на левом

каблуке сапога. Гвозди с большими шляпками были вколочены в каблук таким именно образом с целью отгонять бесовское наваждение.

В следующее мгновение я поднялся и устремился бегом вниз с холма, оглядываясь временами назад. Я не заметил, впрочем, позади себя никого и ничего подозрительного и благополучно добрался до дома судьи Татчера. Увидев меня, он спросил: «Что с тобой, мой мальчик? Ты совсем запыхался. Ты, может быть, пришел получить проценты со своего капитала?»

— Нет, сударь. Разве мне причитаются какие-нибудь проценты? — осведомился я.

— Да, за первое полугодие. Срок наступил как раз вчера вечером. Тебе следует получить более ста пятидесяти долларов, т. е. целое состояние для мальчика твоих лет. Не лучше ли будет положить эту сумму на проценты вместе с твоими шестью тысячами, потому что если ты возьмешь ее теперь себе, то, разумеется, промотаешь?

— Нет, сударь, я не расположен мотать деньги. Мне не надо ни процентов, ни капитала. Я бы желал, чтобы вы взяли их себе. Я хочу отдать вам все: и шесть тысяч долларов, и причитающиеся за них про центы.

Он с изумлением глядел на меня, как будто не понимая в чем дело, но под конец спросил:

— Что бы это могло значить, милейший мой

мальчик?

— Пожалуйста, не расспрашивайте меня, сударь. Сделайте только милость, возьмите от меня эти деньги, — ответил я ему.

— Странно, очень странно! Что же такое случи лось? — продолжал осведомляться судья.

— Пожалуйста, возьмите себе мои деньги и не спрашивайте меня ни о чем, так как вы избавите меня этим от необходимости лгать.

Подумав немного, судья сказал:

— Гм! Кажется, что я понимаю теперь суть дела. Тебе надо продать все твое имущество. Так будет не в пример вернее! Ну, ладно. Я его у тебя куплю.

Написав несколько строк на листке гербовой бумаги, он прочел мне вслух содержание написанного и сказал:

— В документе значится, что ты уступаешь мне все твои имущественные права за условленную цену, которую и получил сполна. Ну, теперь изволь получить с меня доллар и подписывайся под документом.

Я подписался и ушел.

Упомянутый уже Джим, негр девицы Ватсон, был счастливым обладателем комка свалявшейся шерсти. Этот комок, толщиной в кулак, был извлечен из четвертого желудка быка и оказался талисманом, обла дающим волшебными

свойствами. Джим утверждал, что там сидит дух, которому известна вся подноготная. Я пошел вечером к этому негру и рассказал ему, что мой папаша, без сомнения, вернулся, так как я собственными глазами видел на снегу его следы. Мне теперь желательно узнать, чего ради он вернулся и собирается ли он здесь остаться. Джим вытащил свой комок шерсти, побормотал над ним, поднял его вверх и уронил на пол. Он шмякнулся довольно крепко на пол и откатился всего лишь на какой-нибудь дюйм. Прodelав раза два то же самое и с тем же самым успехом, негр стал на колени, приложил ухо к клубку шерсти и начал прислушиваться. Это оказалось, однако, бесполезным. Клубок молчал и, по словам Джима, не был расположен говорить. При этом он объяснил, что его талисман частенько отказывается открывать будущее, если не получит соответствующего денежного вознаграждения. Я сообщил Джиму, что у меня имеется старая истертая фальшивая монета в четверть доллара, которая никуда не годилась, так как медь уже слегка виднелась сквозь тонкий слой накладного серебра. Впрочем, если бы даже медь и не просвечивала, монету никто бы не принял, так как она стала слишком уже жирной на ощупь и каждый сразу мог бы догадаться, что она фальшивая (я решил в уме своем ничего не говорить про доллар,

полученный от судьбы). Может быть, впрочем, что комок шерсти согласится принять эту монету, так как, пожалуй, не сумеет отличить ее от настоящей серебряной. Джим понюхал поданный ему мною кварталдоллар, попробовал на зуб, потер и объявил, что постарается всучить монету комку шерсти, выдав ее за настоящие деньги. Он объяснил, что он разрежет сырую картофелину, положит в нее фальшивый кварталдоллар и продержит его там всю ночь. К следующему утру меди совсем не будет видно. Монета перестанет быть жирной на ощупь, и не только комок шерсти, но и жители нашего местечка, не задумываясь, примут ее за настоящую. Я и сам знал, что с помощью картофеля можно добиться такого результата, но в данную минуту как-то упустил это из виду.

Положив фальшивые четверть доллара в комок шерсти, Джим опять опустился на колени и прильнул к этому комку ухом. На этот раз негр объявил, что его талисман действует совершенно исправно и рас скажет мне всю мою судьбу, если только мне интересно узнать ее. «Пусть говорит», — объявил я. И действительно, комок шерсти принялся рассказывать Джиму, а Джим немедленно передавал это мне. Он объявил:

— Ваш старик отец не знает теперь и сам, что будет делать. Иной раз ему приходит на ум уйти, а потом он думает, что лучше, пожалуй, остаться.

Для вас лучше всего сидеть совершенно спокойно в ожидании, пока старик на что-нибудь решится. Вокруг него летают два ангела: один из них белый, такой блестящий, а другой — совсем черный. Белому ангелу иной раз удается провести его немножко прямой дорогой; но как только подлетит черный ангел, ваш старичок сейчас же сбивается с пути. Никто теперь не может сказать наверняка, который из ангелов уведет его под конец с собою. Для вас самих, напротив, все обстоит благополучно. У вас в жизни будут большие неприятности и большие радости. С вами будут приключаться время от времени разные беды и не счастья, вы будете даже прихварывать, но каждый раз будете выздоравливать, и все окончится благополучно. На вашу жизнь будут иметь влияние две девушки, одна блондинка, другая брюнетка, одна богатая, другая бедная. Вы сперва женитесь на бедной, а потом мало-помалу и на богатой. Вам надо держаться возможно дальше от воды и воздерживаться от рискованных поступков, а то, чего доброго, как это предвидит комок шерсти, вас могут еще, пожалуй, повесить.

В тот же самый вечер, когда я со свечой в руках вошел в свою комнату, там сидел уже мой отец собственной персоной.

Глава V

*Отец Гека. — Любящий родитель. —
Раскаившийся грешник.*

Входя в комнату, я запер за собой дверь, а затем, обернувшись, увидел его. Раньше я очень боялся отца, так как он меня беспощадно дубасил. И на этот раз мне показалось, будто я его боюсь, но в следующую минуту я убедился в своей ошибке. Меня, в сущности, только ошеломила неожиданная встреча с ним, — до того неожиданная, что в первую минуту как будто даже дух захватило, но тотчас же я убедился, что о каком-нибудь серьезном страхе перед отцом у меня и речи не было.

Отцу было уже лет под пятьдесят, и это бросалось в глаза. Волосы были у него длинные, косматые, обильно смазанные жиром. Они ниспадали ему прямо на лицо, так что его глаза блестели сквозь них, словно из-за решетки или, вернее, сквозь чашу кустарника. Волосы эти были совершенно черными, без малейшей примеси седины. Длинные взъерошенные усы и бакенбарды были тоже черны, как смоль. В тех местах, где можно было разглядеть лицо, на нем не замечалось и тени румянца. Оно отличалось чрезвычайной бледностью, но не такой, какая встречается у других людей. На эту белизну противно и страшно было глядеть, так как она напоминала собой

белизну некоторых лесных жуков или же белобрюхой акулы. Что касается одежды, то она была вся из драна и висела лохмотьями. Отец сидел, перекинув одну ногу на другую, так что щиколотка ноги покоилась на колене. Сапог на этой ноге был дырявый, и сквозь отверстия в нем торчали два пальца, которыми мой отец время от времени шевелил. На полу валялась его шляпа — старая, черная войлочная шляпа с измятой, вогнутой вовнутрь тульей.

Я стоял и глядел на отца. Он, в свою очередь, глядел на меня, откинувшись на спинку стула и слегка раскачиваясь взад и вперед. Поставив свечу на стол, я окинул взглядом комнату и увидел, что окно раскрыто. Отец, значит, влез ко мне в комнату по крыше сарайчика. Пристально оглядев меня с ног до головы, папаша проговорил наконец: «Ишь ведь, подумаешь, каким он ходит щеголем! Даже рубашки носит с на крахмаленными воротниками! Ты, должно быть, считаешь себя очень важной персоной, настоящим богачом».

— Может быть, считаю, а может быть, и нет! — возразил я ему.

— Не советую говорить со мной в таком тоне! Ты за мое отсутствие страшно заважничал и начал поднимать нос. Вижу, что мне придется порядком по сбивать с тебя спесь. Говорят, будто ты сделался человеком ученым, умеешь даже читать и писать?

Уж не считаешь ли ты себя умнее отца оттого, что он не занимался такими глупостями? Я вышибу из тебя всю эту дурь. Скажи на милость, кто мог вбить в твою голову, будто тебе приличествует заниматься такими сумасбродными вещами? Желал бы я знать, кто именно осмелился это сделать?

— Вдовушка! Она велела мне ходить в школу.

— Так, значит, вдова Дуглас заварила всю эту кашу? Ну, а по чьему приказанию она позволила себе вмешаться в дело, которое ее вовсе не касается?

— Никто ей ничего не приказывал.

— Ну, ладно, я проучу ее за вмешательство! Ну, а ты, любезный, слушай, что я тебе говорю: брось школу! Я задам им перцу за наглую дерзость воспитывать мальчишку так, чтобы он глядел свысока на отца и считал себя умнее родителей! Посмей ты только еще таскаться в школу! Я отучу тебя от этой мерзости! Твоя мать не умела ни читать, ни писать и умерла безграмотной. Никто из твоей семьи грамоте не учился. Я сам человек безграмотный, а ты теперь позволяешь себе так возноситься над нами! Нет! Я этого ни за что не потерплю. Слышишь ты это!!! Ну-тка, теперь покажи мне, пострел, как ты читаешь?

Я взял книжку и принялся читать что-то такое про генерала Вашингтона и войну за освобождение. По слушав меня с полминутки, он вырвал у меня

книгу, швырнул ее об стену и сказал: «Довольно, теперь я вижу, что ты умеешь читать. Сперва, было, я немного сомневался, но теперь, дружище, пойми, что я не потерплю больше таких фокусов. У меня, ты сам знаешь, расправа коротка. Я буду присматривать за тобой, голубчик, и если подмечу, то задам тебе такую лупку, что твоей милости небо покажется с овчинку. Уж не собираешься ли ты поступить в пасторы? Хорош сынок, нечего сказать!» Взяв со стола раскрашенную синей, желтой и красной краской картину, он спросил:

— А это еще что?!

— Я получил это в награду за прилежание и успехи.

Он тотчас же разорвал картинку и объявил:

— Я не в пример лучше награжу тебя за прилежание, попотчевав ремнем из коровьей шкуры! Небось останешься доволен!

Он еще с минутку сидел, шевеля губами и бормоча себе что-то под нос, а затем сказал:

— Этакий, подумаешь, раздушенный франт! Чего у него только нет в комнате?! Кровать с простынями и одеялами, зеркало, коврики на полу, а между тем родной его отец спит вместе со свиньями в заброшенной кожемятке! Нечего сказать, хорош сынок!.. Ручаюсь, что прежде, чем ты от меня отделаешься, я отучу тебя от таких мерзостных затей и прихотей! Нечего тебе

чванаться перед отцом и воображать себя Бог знает какой важной птицей! Говорят, кстати, будто ты стал богатым человеком. Нут-ка, что ты мне на это скажешь?

— Скажу, что это чистая ложь!

— Гляди мне прямо в глаза и берегись меня обманывать! Ты все равно меня, брат, не проведешь! Я не из таковых, а потому лучше и не пытайся врать. Я здесь в местечке уже целых два дня, и все мне рассказывали, что ты страшно разбогател. То же самое говорили мне и на реке, вдали отсюда, вниз по течению. Это и заставило меня вернуться. К завтрашнему дню изволь до стать мне все деньги! Они мне нужны.

— Денег у меня нет.

— Ты лжешь!!! Они у судьи Татчера! Изволь взять их у него завтра утром! Они мне нужны.

— Говорят же вам, что денег у меня нет. Спросите об этом у судьи Татчера. Он подтвердит это.

— Ладно! Я у него спрошу и заставлю раскошелиться, если он не хочет, чтобы я его самого притянул к суду. Ну, а сколько у тебя денег в кармане наличными? Подавай их сюда!

— У меня всего лишь один доллар, да и тот мне нужен...

— Меня вовсе не интересует, на что ты хотел его истратить! Отдай мне его сейчас, говорят тебе!

Пони маешь?

Взяв у меня доллар, он испробовал зубом его доброкачественность и объявил, что сходит сейчас же в местечко за водкой, так как в течение целого дня ничего спиртного не пробовал. Выбравшись на крышу сарайчика, он снова просунул голову в окно и выругал меня за то, что я важничаю и пытаюсь сделаться умнее его. Я думал уже, что любящий родитель мой ушел, но он неожиданно вернулся, просунул голову в окно и посоветовал мне помнить про запрещение ходить в школу, так как устроит для меня где-нибудь по соседству засаду и отдует меня на все корки, если я вздумаю таскаться в такое непотребное место.

На следующий день, напившись пьяным, отец пошел к судье Татчеру, наговорил ему дерзостей и требовал, чтобы судья отдал ему мои деньги. Убедившись, что ему не удалось застрашать Татчера, почтеннейший мой родитель поклялся, что принудит его судебным порядком вернуть деньги.

Желая избавить меня от напасти, судья и вдовушка подали в суд прошение и ходатайствовали о назначении надо мной опеки. Новый наш судья, однако, поступил недавно на службу и не знал моего старичка отца. По этому он объявил, что без крайней необходимости суд не вправе вмешиваться в отношения между родителями и детьми и разрушать семью. Было бы

тяжким грехом отбирать от отца единственного его сына. При таких обстоятельствах судья Татчер и вдовушка оказались не в состоянии мне помочь и вынуждены были признать родительские права моего отца.

Это доставило моему папаше величайшее удовольствие: от радости он не мог даже усидеть на месте и объявил, что отдерет меня ремнем так, что у меня на всем теле не останется живого места, если я не раз добуду ему где-нибудь денег. Я занял тогда у судьи Татчера три доллара, получив которые, отец тотчас же напился пьяным и в таком виде начал слоняться по улицам местечка, устраивая всюду безбожный скандал: он кричал, ругался и, стащив где-то железную сковородку, колотил в нее нещадно, как в барабан. Таким образом бесчинствовал он чуть не до полуночи, когда его изловили и отвели в участок. На следующий день его препроводили в суд и засадили в тюрьму на целую неделю. Отец объявил, что совершенно доволен обоими ми приговорами, вынесенными судьей, так как ему все-таки сохранили власть над сыном. Это вознаграждает его за все. По выходе отца моего из тюрьмы новый судья возымел намерение сделать из него человека. Он взял моего папашу к себе в дом, одел его опрятно, сажал обедать и ужинать со своей семьей и вообще благодетельствовал ему, как говорится,

вовсю. После ужина судья принимался беседовать с папашей насчет трезвости и разных иных добродетелей, так что под конец мой старичок расплакался и объявил, что был до тех пор безумцем и сумасбродно губил свою жизнь, но теперь начнет ее сызнова и станет таким человеком, знакомства с которым никто стыдиться не будет. Он высказал надежду, что судья поддержит его в этом решении и не станет презирать за прежнее безумие. Судья изъявил моему папаше готовность расцеловать его за эти слова и залился от умиления слезами. Жена его тоже расплакалась. Папаша сказал тогда, что ближние до тех пор его не понимали. Судья объявил, что искренне этому верит. Старик сообщил во всеуслышание, что падший человек нуждается в сочувствии, судья подтвердил это, и все вместе пролили слезы. Когда пришла пора расходиться по спальням, папаша мой встал и, протягивая руку, сказал: «Взгляните на нее, почтеннейшие дамы и джентльмены! Возьмите ее и пожмите хорошенько! Рука эта до сих пор была рукою свиньи, но теперь она стала совсем иною: это рука человека, начавшего новую жизнь, — человека, который скорее умрет, чем вернется на прежний свой греховный путь. Заметьте себе эти слова и не забывайте, что они сказаны мною! Рука эта теперь чистая, и вы можете пожать ее без боязни».

Все один за другим пожали папаше руку и расплакались. Жена судьи пришла в такой экстаз, что даже поцеловала эту руку. Тогда мой старик подписал клятвенное обещание не брать в будущем хмельного в рот, поставив по неграмотности под ним крест. Судья объявил, что никогда еще в жизни не испытывал такого священного восторга, как в эту минуту, и вообще совсем растаял. Затем они устроили старику постель в лучшей парадной комнате. Ночью его начала страшно томить жажда. Он влез на крышу парадного подъезда, а оттуда спустился по колонке на улицу. Променяв в соседнем питейном доме свой сюртук на кувшин сорокаградусной водки, он взобрался обратно в парадную залу и провел очень весело ночь в беседе с кувшином. Под утро папаша был уже пьян, как сапожник, когда задумал вылезти опять на улицу. На этот раз, однако, он свалился с крыши подъезда, сломав себе левую руку в двух местах, и непременно бы замерз до смерти, если бы, с восходом солнца, его не увидели и не подобрали. Заглянув тогда в парадную комнату, нашли ее загаженной до такой степени, что надо было с осторожностью осматриваться, чтобы безопасно поставить на пол ногу.

Судье после того немножко взгрустнулось: он объявил, что моего старика отца можно было бы, пожалуй, исправить доброй ружейной пулей, но что

другие исправительные средства навряд ли подействуют.

Глава VI

Отец возбуждает судебное преследование против судьи Татчера. — Гек решает бежать. — Он обдумывает план побега. — Политическая экономия. — В бреду.

Старик вскоре вылечился, встал на ноги и тотчас же возбудил против судьи Татчера иск, требуя себе от него мои деньги. Одновременно с этим он принялся охотиться за мной, чтобы наказать меня за то, что я продолжал ходить в школу. Раза два ему удалось меня изловить и вздуть, но в большинстве случаев я от него благополучно убегал, так что он оставался с носом. Прежде мне не доставляло большого удовольствия ходить в школу, но теперь я решил, что назло папаше буду посещать ее аккуратно. Судебное разбирательство идет у нас, в Америке, как известно, черепашим шагом, а что касается иска, предъявленного моим отцом, то он, по-видимому, совсем не трогался с места. При таких обстоятельствах мне приходилось время от времени занимать у судьи два или три доллара и отдавать их папаше, чтоб избавиться себя от беспрестанной порки. Получив деньги, отец аккуратно каждый раз

напивался и столь же аккуратно затевал в городе скандал, за что его неукоснительно сажали в тюрьму. Все это он выносил безропотно, так как подобная жизнь приходилась ему как нельзя более по вкусу.

Он принялся слишком уж часто бродить возле дома вдовушки, и госпожа Дуглас объявила ему, наконец, что если он не оставит ее в покое, то дело, пожалуй, кончится для него очень плохо. Это его окончательно взбесило, и он решил показать вдовушке, кто настоящий хозяин Гека Финна. Приняв такое решение, он подкараулил меня однажды весною, изловил и посадил в лодку. Проплыв мили три по реке вверх по течению, мы причалили к покрытому густым лесом Иллинойскому берегу. Тут не было никакого жилья, за исключением старого блокгауза, находившегося в такой чаще, где его можно было разыскать только зная на верное, что он там стоит. Отец держал меня все время при себе, так что мне никак не удавалось от него убежать. Мы жили в самом блокгаузе, а на ночь он запирал дверь на замок и ключ клал себе под голову. У отца имелось ружье, которое он, вероятно, где-нибудь стащил. Мы занимались охотой и рыбной ловлей.

Временами он запирал меня в блокгаузе и отправлялся мили за три вниз по течению, где и обменивал рыбу и дичь на водку; по возвращении

домой он напивался, приходил в веселое настроение и задавал мне добрую трепку. Вдовушка разузнала под конец, где я находился, и подослала одного из своих знакомых, чтобы выручить меня, но папаша пригрозил застрелить его, как собаку, и таким образом заставил вернуться ни с чем. Вскоре после того я привык к жизни в блокгаузе, и оно стало мне нравиться, за исключением, разумеется, побоев, довольно часто выпадавших на мою долю.

Мне жилось там действительно недурно. Я весело и беззаботно лежал целый день на брюхе, курил, удил рыбу и не имел надобности корпеть над книгами, долбя заданные уроки. Так прошло месяца два или больше. Платье на мне выпачкалось и ободралось, и я начал изумляться, каким вообще образом могло мне нравиться пребывание у вдовушки, где приходилось каждый день мыться, есть ножом и вилкой с тарелок, причесываться, ложиться спать и вставать в определенное время, постоянно сидеть над книгами и выносить ехидные нападки злой старейшей девицы, мисс Ватсон. Я не чувствовал ни малейшей потребности туда вернуться. Вдовушка не любила крепких слов, а потому я совсем было перестал употреблять в разговоре проклятия, но у папаши я опять к ним привык, так как он не имел против них ровнехонько ничего. В окрестном дремучем лесу, вообще говоря, я чувствовал себя прекрасно.

Постепенно, однако, папаша стал уже слишком злоупотреблять вырезанным им специально для меня хлыстом из очень прочной и эластичной американской орешины. Обращение его со мной сделалось совершенно невыносимым, и чаша моего долготерпения переполнилась. К тому же он стал уходить в последнее время надолго из блокгауза, оставляя меня взаперти. Раз как-то отец не возвращался целых трое суток. Я ужасно соскучился в одиночестве и решил, что он, наверное, утонул и мне придется погибнуть в блокгаузе, откуда я ни под каким видом не выберусь. Мне стало положительно страшно, и я принялся обсуждать вопрос: каким образом мог бы я оттуда уйти. Первоначально никак не удавалось придумать сколько-нибудь подходящего способа. Сквозь окно в блокгаузе не могла проскользнуть и собачонка. Печная труба оказалась до такой степени узкой, что я не мог в нее пролезть. Двери были сколочены из толстых, массивных дубовых плах. Уходя из блокгауза, папаша никогда не оставлял в моем распоряжении ножа или какого-нибудь другого режущего инструмента, с помощью которого я мог бы высвободиться из заключения. Надо полагать, что я более сотни раз обыскивал все углы и закоулки в блокгаузе: я употреблял на это все мое свободное время, которое все равно надо было как-нибудь убить. На

этот раз, впрочем, удалось кое-что найти: мне попала на глаза старая заржавевшая пила без ручки, засунутая между потолочной балкой и брусьями, из которых была сколочена крыша. Смазав пилу салом, я тотчас принялся за работу. В заднем конце блокгауза была приколочена к бревнам лошадиная попона, чтобы защитить свечу, стоявшую на столе, от сквозного ветра; забравшись под стол, я приподнял попону и принялся выпиливать кусок нижнего бревна, достаточно большой, чтобы можно было пролезть в сделанное таким образом отверстие. Работа эта была долгая и трудная, но она все-таки приближалась к концу, когда я услышал в лесу выстрел из отцовского ружья. Я старательно скрыл все следы своей работы, опустил попону на место и спрятал пилу. Вскоре после того мой родитель вернулся в блокгауз.

Он оказался в обычном дурном расположении духа и рассказал мне, что ездил в город, где решительно все его дела идут из рук вон плохо. Адвокат папаши уверял, что непременно выиграет ему процесс и до будет деньги, если только иск дойдет до судебного разбирательства. К сожалению, имеется возможность отложить его в дальний ящик, чем судья Татчер, без сомнения, воспользуется. Ходили также слухи, будто вдовушка собирается вторично подать в суд

просьбу о том, чтоб отобрать меня от отца и отдать ей под опеку. Полагали, что на этот раз просьба ее будет уважена. Это меня очень встревожило, так как я вовсе не хотел возвращаться к вдовушке, которая, разумеется, опять примется меня обтесывать и просвещать, — заставит ходить в тесной куртке, застегнутой на все пуговицы, и ежедневно зубрить уроки. Что касается моего старика, то он начал ругаться и проклинать ее, причем осыпал проклятиями все и вся, что приходило ему на ум, повторяя эту операцию многократно, дабы вполне увериться, что не сделал никаких упущений. Он закончил чем-то вроде общего проклятия, относившегося разом ко всем, кого он не знал по имени, а потому называл: «Как бишь их». Отослав всех этих незнакомцев в тартарары и водворив их там самыми страшными заклинаниями, папаша наконец оставил их в покое и принялся снова поносить вдовушку.

Он объявил, что посмотрит, как ей удастся заполучить меня у него; он будет смотреть в оба, и если попытаются сыграть с ним какую-нибудь шутку, то он упрячет меня в шести или семи милях от блокауза в такое место, где они меня и с собаками не отыщут. В первую минуту заявление это подействовало на меня очень неприятно, но я тотчас же сообразил, что не стану дожидаться, пока папенька приведет свой план в исполнение. Отец

послал меня к лодке, чтобы при нести оттуда привезенные им вещи. Там оказался мешок маисовой муки весом в пятьдесят фунтов, окорок ветчины, изрядный запас пороху и пуль, кувшин с водкой вместимостью в четыре галлона, старая книга и две газеты, предназначавшиеся на пыжи, и некоторое количество пакли. Я отнес порядочный груз в блокгауз, а затем вернулся к лодке и присел на ее нос, чтобы отдохнуть. Тщательно обсудив свое положение, я решил уйти, захватив с собою ружье и не сколько удочек. Разумеется, надо будет все время скрываться в лесу, не оставаясь долго на одном месте, но пробираясь все дальше и дальше, преимущественно ночью. Можно тогда жить охотой и рыболовством и уйти под конец так далеко, что ни отец, ни вдовушка меня ни за что не разыщут. Я рассчитывал, что папаша в эту ночь напьется до такой степени, что мне никто не помешает совсем пропилить отверстие в стене блокгауза и вылезти оттуда. Я был вполне убежден, что он напьется в стельку. Эти мысли до такой степени меня завлекли, что я ужасно замешкался. Вероятно, я просидел бы еще долго у лодки, если бы отец не кликнул меня и не спросил: «Что я, сплю или, может быть, утонул?»

Я снес тогда все остальные вещи в блокгауз. Начинало уже смеркаться. Пока я варил ужин, мой старик хлебнул разочек или два из кувшина и таким

образом маленько согрелся, а затем принялся опять ругаться. Он пьянствовал уже и в городе, как называли из вежливости нашу деревню, и пролежал целую ночь в водосточной канаве. Благодаря этому на него стоило посмотреть. Человек, коротко знакомый с Библией, мог бы принять его за недоделанного Адама: он со стоял, казалось, целиком из глины и грязи. Каждый раз, когда спиртные пары начинали разбирать папашу, он обыкновенно принимался бранить на чем свет стоит правительство. Так и теперь он объявил:

— И это еще называют правительством!!! Потрудитесь только взглянуть на него и посмотрите, что это за мерзость. Вот, например, хотя бы наши законы! Они годятся только на то, чтобы отобрать от отца родного его сына, — ребенка, воспитание которого стоило Бог весть каких хлопот и издержек! И вот, когда этот малыш начинает подрастать, так что может кое-как работать и служить отцу хоть маленькой подмогой, закон отбирает его прочь и оставляет беднягу отца без всякой поддержки. И это называют правительством!!! Мало того!!! Закон стоит за старого судью Татчера и помогает ему лишать меня законной моей собственности! Вот каковы наши законы!!! Человек с капиталом более шести тысяч долларов должен, благодаря им, сидеть, с позволения сказать, в такой конуре, как этот

блокгауз, и разгуливать в платьях, при личных какому-нибудь одичалому кабану! Нечего сказать, хорошее правительство. Понятно, что при таком правительстве человек не может добиться признания законного своего права. Иногда мне приходит на ум раз и навсегда покинуть здешние места. Без шуток, я говорил уже им об этом! Говорил прямо в лицо под лому старику Татчеру! Я говорил всенародно! Целые сотни свидетелей могут подтвердить это под присягой! Я изъявил готовность за два цента оставить эту не годную страну и никогда более сюда не возвращаться. Именно таковы были мои собственные слова! Взгляните только на мою шляпу, говорил я, если только ее можно назвать шляпой. Она ведь ни на что не похожа! Тулья проносилась чуть не насквозь, а все остальное налезает мне чуть не на подбородок. Когда я надеваю эту шляпу, можно подумать, что я ношу у себя на голове кусочек печной трубы. Так вот, говорю я, какую шляпу приходится мне носить! Кабы у нас был суд праведный и скорый, ведь я оказался бы одним из первых богачей в нашем городе! Да, подумай, чудное у нас правительство! Право, чудное! Подумай только! Сюда приехал из Огайо свободный негр, мулат, почти такой же белый, как я сам. Он носил чистую накрахмаленную рубашку и модный блестящий цилиндр. Во всем городе не

было человека, одетого таким щеголем! Чего только у него не было! Золотые часы с цепочкой, трость с серебряным на балдашником, ну, одним словом, как на него посмотреть, подумаешь, что это богатейший седовласый на боб во всем штате! Мало того, утверждали, будто он состоит где-то профессором в университете, может говорить на всех языках и знает всевозможные науки! Это еще не все! Говорили, будто у себя на родине он может участвовать в выборах и подавать голос. Это уже вывело меня совершенно из себя. Я думал, к чему же придут в таком случае Северо-Американские Соединенные Штаты? Как раз на этот день были назначены выборы, и если бы я не был тогда слишком пьян, я непременно отправился бы тоже на голосование, но когда мне сказали, что у нас имеется такой штат, в котором дозволяется этому негру тоже подавать голос, я отступился и объявил, что никогда больше не стану участвовать в голосовании. Это были собственные мои слова, сказанные во всеуслышание! Пусть Соединенные Штаты теперь пропадают. Мне это совершенно безразлично, я все-таки, пока жив, не стану более участвовать в выборах. И как этот негодяй негр позволял себе важничать! Он не хотел посторониться и уступить мне дорогу, пока я не столкнул его с тротуара. Я говорил всем и каждому: почему этого негра не схватят и не продадут с

аукциона? Что же, спрашивается, мне ответили? По закону этого негра нельзя было продать, пока он не прожил в штате полгода. Между тем для него срок этот еще не вышел. Но опять-таки, какое это правительство, коли оно не может продать с аукциона свободного негра, который не прожил в штате шести месяцев! Оно называет себя правительством, — позволяет считать себя таковым и, пожалуй, думает, что оно в самом деле правительство, а между тем сидит сложа руки целых шесть месяцев, прежде чем примет, наконец, надлежащее решение продать с публичного торга заважничавшего бродягу, дьявольского мерзавца и негодяя негра, который разыгрывает из себя профессора, ходит в чистых на крахмаленных рубашках и...

Папаша был в таком возбуждении, что не обращал ни малейшего внимания на то, куда именно носили его старые, расслабленные, пьяные ноги. Вследствие этого он наткнулся прямёхонько на бочонок с соленой свиной, через который и полетел вверх тормашками, причем жестоко ободрал себе обе ляжки. Он заключил поэтому свою речь букетом избраннейших непечатных выражений, направленных большей частью против негров и правительства, хотя, конечно, кое-что перепало также и на долю бочонка. Папаша долго прыгал по блокгаузу, сперва на одной ноге, потом

на другой, придерживая то одну, то другую ляжку, а потом, обозлившись, дал изо всех сил такого пинка левой ногой бочонку, что тот даже загрохотал. Поступок этот со стороны моего родителя оказался не совсем благоразумным, так как левый сапог у него просил есть, выражаясь техническим термином; из него именно и торчали два пальца. Папаша расшиб их теперь так, что взвыл совсем по-звериному, бросился прямо на грязный пол и, ухватясь за окровавленные пальцы, принялся кататься из стороны в сторону, разражаясь великолепнейшими проклятиями, перед которыми все прежние отступали положительно на задний план. Он сам, по крайней мере, хвастался этим впоследствии. Ему доводилось слушать отборнейшую ругань старика Соуберри Хагана, и он уверял, будто ему удалось теперь превзойти старика, но весьма возможно, что в данном случае мой родитель позволил себе прихвастнуть.

После ужина папаша серьезно принялся за кувшин с водкой, объявив, что там ее достаточно, чтобы напиться два раза допьяна, а в третий раз до белой горячки. Это была, впрочем, его любимая поговорка. Я надеялся, что не более как через час он совсем свалится с ног, и тогда можно будет выкрасть у него ключ или же выпилиться на волю. Папаша пил очень добросовестно и наконец свалился на свою постель, но все-таки мне

положительно не везло: ему не удалось крепко заснуть. Напротив того, его сон был очень тревожен: он стонал, бормотал, размахивал руками и ногами, приподнимался, дико озирался кругом, снова опускался на одеяло и снова принимался стонать. Тем временем меня самого начала одолевать такая дремота, что глаза у меня положительно слипались, несмотря на все мои усилия этому воспрепятствовать. Под конец совершенно незаметным для себя образом я за снул, не успев даже погасить свечи.

Не знаю, сколько именно времени я спал, когда ужасающий вопль заставил меня проснуться. Это вопил мой родитель, который с диким, растерянным видом прыгал, как бешеный, по всему блокгаузу и кричал, что его жалят змеи. Он чувствовал, как они обвивались вокруг его ног и вползали ему на тело. От этого именно он откалывал такие отчаянные прыжки, испуская столь дикие вопли. Он уверял, будто одна из змей укусила его прямо в щеку, но я, при всем старании, не мог увидеть ни одной змеи. Очевидно, что змеи ему только мерещились. Вдруг он вскочил и принялся бегать по блокгаузу, крича во все горло: «Сними ее прочь, прочь! Она жалит меня прямо в затылок!» Никогда еще мне не случалось видеть на глазах у человека такое дикое, испуганное выражение. Вскоре, однако, отец утомился и,

тяжело дыша, по валился на землю, а вслед за тем начал с изумительной быстротой кататься с боку на бок по полу, бешено вертясь кругом, отпихиваясь и отталкиваясь от чего-то руками, причем вопил и кричал, будто в него уже вцепились когтями черти. Мало-помалу, однако, он утомился и лежал некоторое время совершенно смирно, продолжая лишь потихоньку стонать. Наконец он совсем умолк и затих. Из леса доносилось до меня завывание сов и волков, благодаря которому окружавшая тишина казалась мне еще более страшной. Папаша лежал совершенно смирно в уголке. Постепенно он как будто очнулся, слегка приподнялся на локте, склонил голову набок, начал прислушиваться и потихоньку проговорил: «Это смерть! Топ, топ, топ!.. Они идут за мною, но я не хочу умирать!.. Они уже здесь!.. Они до меня дотрагиваются! Руки прочь! Они ведь такие холодные! Пустите меня!!! К чему я вам нужен?! Оставьте меня, беднягу, еще пожить». Он ползал на четвереньках, упрашивая кого-то отпустить его душу на покаяние, завернулся в одеяло и укатился под стол из сосновых досок, упрашивая и моля оставить его в живых, а затем принялся жалобно плакать. Папаша укутался с головой в одеяло, но я все-таки слышал, как он всхлипывал.

По прошествии некоторого времени он выкатился, однако, из-под стола, вскочил на ноги,

свирепо осмотрелся кругом и вдруг, схватив со стола нож, неожиданно бросился на меня. Он гонялся за мною по всему блокгаузу, называя меня ангелом смерти и уверяя, что если зарежет меня, то я за ним более не приду. Я молил отца о пощаде, уверяя его, что я Гек, но он хрипло рас смеялся, объявив, что его не проведешь, и с диким ревом и проклятиями продолжал гоняться за мною. Поворачиваясь, чтобы увильнуть от папаши и проскользнуть под его вытянутой рукой, я чуть было не попался. Он ухватил меня за шиворот, и я уже думал, что настал мой конец, но, к счастью, мне удалось с быстротой молнии выскользнуть из куртки и таким образом спастись от занесенного уже ножа. Отец вскоре устал, сел на пол, прислонившись спиной к двери, и сказал, что отдохнет с минутку, а потом уж меня зарежет. Положив под себя нож, он добавил, что чуточку поспит, дабы подкрепиться маленько, и тогда уж расправится со мной по-свойски. Он и в самом деле уснул. Я взял тогда стул с продавленным сидением, осторожно вскарабкался на него, чтобы не делать лишнего шума, и снял со стены ружье. Попробовав в стволе шомполом, я убедился, что ружье заряжено, а затем, водворив шомпол на место, положил ружье на бочку с репой, нацелился в папашу и уселся за бочкой выжидать, когда он проснется и вздумает на меня броситься. Время

тянулось для меня до невозможности медленно.

Глава VII

Поджидаю отца. — Сижу взаперти. — Собираюсь бежать. — Бросаю труп в воду. — Вырабатываю план действий. — Отдыхаю.

— Эй, ты, мальчик, проснись, что ты там делаешь?

Я раскрыл глаза и осмотрелся кругом, стараясь уяснить себе, где я именно нахожусь. Оказалось, что солнце давно уже взошло и что я порядком выспался. Папаша, очевидно, чувствовавший себя не совсем здоровым, стоял надо мною и глядел угрюмо.

— Что ты делал с ружьем? — спросил он меня.

Сообразив, что отец, без сомнения, не имеет ни малейшего представления о собственных своих проделках, я ответил:

— Кто-то ломился к нам в двери, так я на всякий случай снял со стены ружье, чтобы было чем обороняться.

— Отчего же ты не разбудил меня?

— Я пробовал вас будить, но мне это не удалось: я никак не мог вас растолкать.

— Ну, ладно! Нечего тут растабарывать. Сходи на реку и посмотри, нет ли на удочке рыбки

к завтраку. Я тоже сейчас вернусь.

Он отпер двери, и я, проворно шмыгнув из блокауза, направился к берегу реки вверх по течению. Подходя к берегу, я заметил, что по реке плывут бревна, целые деревья, вырванные с корнем, куски древесной коры и тому подобная всякая всячина. Это свидетельствовало, что вода прибывала. Если бы я был теперь в городе, то, без сомнения, мог бы заработать хорошие деньги. Июльское половодье было для меня всегда счастливым временем. Как только вода поднималась, река каждый раз несла с собою массу бревен, обломки плотов, состоявших зачастую из дюжины бревен, связанных вместе, так что стоило их только ловить и продавать на лесные дворы или на лесопильни. Я шел вдоль берега, следя одним глазом за папашей, а другим за тем, что плыло мимо меня по реке, когда вдруг заметил, что приближается челн, великолепнейший челн, длиною сажени в две. Он плыл прямо по течению, скользя по воде, как утка. Я, не раздеваясь, бросился в воду головою вниз, как лягушка, и поспешно поплыл к челну, признаться, ожидая, что кто-нибудь лежит там на дне. Эту шутку нередко проделывают в наших местах, чтобы одурачить человека: бывало, поплывешь к лодке, которая кажется совершенно пустой, и собираешься за нее ухватиться, как вдруг хозяин ее встает и

разражается громким хохотом. На этот раз, однако, челн действительно сорвало откуда-то с пристани и унесло вниз по течению. Я взобрался в этот челн и отвел его к берегу.

— Ну, — думаю, — то-то обрадуется мой старик! Он выручит за челн, наверное, долларов десять.

Подплыв к берегу, я убедился, однако, что папаши нет по соседству. Поэтому, когда я причалил в маленькой глубокой бухточке, совершенно закрытой от взоров густым лозняком, у меня мелькнула совершенно иная мысль. Я решил тщательно спрятать эту лодку и воспользоваться ею для своего побега. Вместо того, чтобы блуждать по лесу, я спущусь по реке миль на пятьдесят и расположусь где-нибудь лагерем. Это будет для меня гораздо спокойнее и удобнее, чем странствовать Бог знает в какую даль пешком.

Я был очень близко от нашей пристани, и мне казалось, будто слышны шаги моего старика, но тем не менее я успел спрятать лодку, а затем осторожно выбрался и, выглянув из-за куста плакучей ивы, увидел папашу довольно далеко от меня на тропинке. Он как раз целился из ружья в птицу. В следующее затем мгновение раздался выстрел. Очевидно, что отец ничего не заметил. Когда он подошел ко мне, я усердно старался вытащить донную удочку. Он маленько побранил

меня за медлительность, но я рассказал ему, что упал в реку и что это именно задержало меня. Он ведь и без того мог увидеть, что я весь промок, а потому мои объяснения предупредили расспросы с его стороны. Мы изловили пять больших рыб и вернулись домой.

После завтрака мы легли поспать, так как оба порядком устали, но я, вместо того чтобы спать, начал думать о том, как было бы хорошо, если бы удалось удержать каким-либо образом папашу и вдовушку от розысков. Это оказалось бы гораздо вернее, чем прятаться от них, хотя бы даже на почтительном расстоянии. К тому же, мало ли что может случиться? Как хорошо ни прячься, а все-таки, чего доброго, разыщут. В течение некоторого времени я никак не мог придумать ничего путного. Папаша, в свою очередь, спустя несколько ми нут встал, испил немножко водицы и сказал:

— Если кто-нибудь вздумает в другой раз бродить около блокгауза, разбуди меня непременно, слышишь ты? Он приходил, наверное, с недобрым умыслом. Следовало бы его пристрелить. Смотри же, в следующий раз разбуди меня непременно!

Затем отец снова улегся и заснул, но его слова пода ли мне как раз ту мысль, которой мне недоставало: я сознавал теперь возможность устроиться так, что никому не придет в голову меня

разыскивать. Около полудня мы с отцом вышли опять из блокгауза и направились вдоль берега; вода в реке быстро прибывала и несла с собой много лесных материалов. Между прочим, в нашу сторону направлялся обрывок бревенчатого плота из девяти связанных друг с другом бревен; мы пустились за ним на папашиной лодке, пригнали его к берегу, а затем пообедали. Другой человек на месте папаши обо ждал бы еще денек и попытался бы наловить побольше бревен, но такой образ действий был не во вкусе моего родителя; для него было достаточно и девяти бревен на один раз. Он должен был немедленно плыть в город и продать их там. Поэтому он запер меня на замок, сел в свою лодку и отплыл, примерно так в половине четвертого пополудни, ведя за собою на буксире плот. Я думал, что он навряд ли вернется до следующего утра, и, обождав, чтобы он отъехал на приличное расстояние, вытащил спрятанную мною пилу и принялся допиливать законченное почти отверстие в блокгаузе. Прежде чем папаша успел переехать через реку, я вылез уже из проделанной мною дыры. Он и его плот виднелись еще вдали на воде в виде маленького, едва заметного пятнышка.

Взяв мешок с маисовой мукой, я отнес его к бухте, где спрятан был мною челн; раздвинув ветви и лозняк, я уложил его туда. Затем я поступил таким же образом с окороком ветчины и кувшином

с водкою; забрал весь имевшийся у папаши запас кофе и сахара, пороху, пуль и материала для пыжей. Кроме того, я прихватил ведро и флягу, жестяную миску и черпак, старую свою иглу, два одеяла, чугунный котелок, кофейник, удочки, спички и тому подобное, одним словом, все, что имело ценность хотя бы одного цента. Таким образом, блокгауз был совершенно пуст; топор оказался бы мне очень полезен, но в блокгаузе его не было: единственный топор, имевшийся у отца, был спрятан в штабеле дров, и я, на основании высших соображений, решил не брать его с собою. В заключение я отнес в свою лодку ружье, и таким образом у меня все было в должном порядке.

Пролезая многократно сквозь пропиленное отверстие и протаскивая сквозь него такую массу вещей, я оставил около него слишком заметные следы. Надо было скрыть их по возможности лучше, что я и сделал, тщательно разровняв песок и прикрыв им опилки. За тем я вставил выпиленный кусок бревна обратно на место, засунул под него три камешка, так как бревно было немножко кривое и не касалось земли, и опять подровнял песочек. С расстояния полутора или двух аршин человек, не знавший, что из бревна выпилен кусок, ни за что не мог бы этого приметить; кроме того, дыра находилась в задней стене блокгауза, и вряд ли можно было ожидать, чтобы кто-нибудь стал

осматривать ее сколько-нибудь тщательно. Я шел к своему чел ну каждый раз окольным путем, по тропинке, а затем спускался с нашей пристани в воду и пробирался по мелкому месту вдоль берега, не оставляя после себя ни каких следов. На всякий случай я прошелся еще раз этим путем и, остановившись на берегу, окинул тщательным взглядом реку. Не заметив ничего подозрительного, я взял из лодки ружье и ушел в лес с намерением поохотиться за кое-какими птицами, когда мне попался навстречу дикий поросенок. Свиньи, которым удается бежать с ферм в прериях, быстро дичают в наших местах. Застрелив поросенка, я принес его в блокгауз, захватив по дороге топор. С помощью этого топора я выломал двери блокгауза, причем беспощадно их из рубил и расколотил; притащив поросенка в блокгауз чуть не к самому столу, находившемуся у задней стены, я надрубил ему топором горло и положил его наземь для того, чтобы он там хорошенько истек кровью. Я употребил слово «наземь» потому, что дощатого пола в нашем блокгаузе не было, а его место занимала плотно утрамбованная земля. Взяв затем старый мешок, я положил туда парочку больших камней, весивших как раз столько, сколько я мог утащить, проволоч мешок от того места, где лежал поросенок, до дверей и оттуда через лес до берега реки и там утопил его на глубоком месте. Нетрудно

было заметить, что по земле что-то такое протащили. Я жалел, что не было со мною Тома Сойера, так как знал, что он непременно заинтересовался бы таким предприятием и изукрасил бы его гениальными изобретениями своей собственной фантазии. Навряд ли кто-нибудь мог сравниться с Томом Сойером по этой части.

В заключение я вырвал у себя из головы несколько волос, старательно окровавил топор, приклеил волосы кровью к его обуху и забросил топор в угол; затем по добрал поросенка, обхватил его лапами своей куртки и прижал к своей груди для того, чтобы он не мог по нечаянности упасть. Таким образом я осторожно отнес его к реке на изрядное расстояние от дома вниз по течению, а затем бросил в воду. Тут пришла мне в голову новая блестящая мысль: я вынул из лодки мешок с мукой и отнес его назад в блокгауз. Поставив мешок на место, где он обыкновенно стоял, я прорвал у него на дне дыру пилою. Необходимо заметить, что у нас в блокгаузе не было ножей и вилок, так как папаша при приготовлении обеда и потреблении такового пользовался исключительно лишь своим большим складным ножом. Затем я протащил мешок шагов на сто по траве и сквозь лозняк, на восток от дома, к мелководному озеру миль в пять шириною, изобиловавшему камышом, а в это время года также утками. Из озера выходила с

противоположной стороны речка, или проток, который впадал, разумеется, куда-то, но только не в на шу реку. Мука, просыпаясь помаленьку из дыры, образовала маленькую дорожку, которая вела к озеру; я бросил возле этой дорожки точильный брус моего отца в надежде, что его найдут оброненным как бы случайно. Завязав потом дыру веревкой, чтобы мука не могла более из него высыпаться, я отнес мешок и пилу назад в свой челн.

К этому времени уже стемнело, а потому я спустился в челне вниз по реке и остановил его под ивами, нависшими над водой, в ожидании, пока взойдет месяц. Для большей безопасности я привязал челн к стволу одной из ив, немножко закусил и улегся на дне челна, чтобы выкурить трубку и разработать план дальнейших действий. Я рассуждал сам с собою, что прежде всего, разумеется, пойдут по следу, оставленному мешком с камнями, до берега и начнут разыскивать мой труп; по том, без сомнения, доберутся по мучной дорожке до озера и примутся тщательно исследовать проток, который вытекает оттуда, в надежде найти разбойников, которые убили меня и ограбили блокауз. Убедившись в моей смерти, никто не станет отыскивать меня в реке; разыскивать мой труп тоже никто не станет, а потому в самом непродолжительном времени оставят меня в покое. Ну и прекрасно! Я, значит,

могу устроиться на жительство, где мне угодно. Джексонов остров будет для меня отличным пристанищем: я знаю его, как свои пять пальцев, и, кроме того, его никто никогда не посещает. Оттуда я могу переправляться ночью на лодке в город и запастись там необходимыми для меня предметами. Да, остров Джексона — самое подходящее для меня место.

Я порядком устал, а потому, придя к упомянутому решению, немедленно же заснул. Проснувшись, я не мог в первые минуты выяснить, где именно нахожусь. Я даже немного испугался и, усевшись в челне, начал тревожно оглядываться кругом, но вскоре вспомнил все, что требовалось, чтобы дать себе ясный отчет в положении дел. С того места, где я находился, можно было проследить на несколько миль течение реки; месяц светил так ярко, что я мог бы сосчитать все бревна, бесшумно скользившие, словно черные тени, в нескольких шагах от берега. Всюду стояла мертвая тишина; очевидно, что было уже очень поздно. Вдохнув в себя воздух, можно было чувствовать это по запаху: каждый, кому случалось бывать в наших местах, без сомнения, поймет, что я хочу этим сказать, а потому меня не особенно тревожит незнание совершенно правильных выражений для моей мысли.

Зевнув хорошенько, я потянулся, чтобы

расправить свои члены, но только лишь собрался отвязать лодку и пуститься в путь, когда до меня донесся раздававшийся на воде шум. Тщательно прислушиваясь, я не замедлил выяснить себе его причину: это был глухой, равномерный стук весел, работавших в уключинах. Его можно было слышать лишь благодаря полной тишине, царившей кругом. Выглянув из-под завесы ивовых ветвей, я действительно увидел вдали лодку, плывшую через реку, направлявшуюся к тому берегу, у которого я находился. Сколько именно было там людей, я не мог различить. Лодка постепенно приближалась, и когда на конец поравнялась со мною, я убедился, что в ней си дел всего лишь один человек. Я сейчас же решил, что это, быть может, папаша, хотя и не рассчитывал, что он вернется так рано. Лодку снесло ниже меня по течению, а затем, идя вдоль берега, она начала опять подниматься вверх, пользуясь тем, что у самого берега течение почти незаметно. Она прошла так близко от меня, что, протянув ружье, я мог бы дотронуться до человека, который ею управлял. Это был действительно мой отец, и к тому же совершенно трезвый; я заключил это из того, как он работал веслами.

Не теряя времени, я в следующую минуту бесшумно, но быстро поплыл по течению, держась все время в полосе тени, которую отбрасывал

нагорный берег. Проплыв таким образом мили две с половиной, я повернул к середине реки и отошел от берега приблизительно на четверть мили или несколько более, так как знал, что придется вскоре проезжать мимо пристани паромной переправы. Если бы я плыл вблизи берега, то меня могли бы, пожалуй, увидеть с пристани и окликнуть; теперь же я укрылся между деревьями, которые несло вниз по течению, и, улегшись на дне челна, предоставил ему плыть вместе с ними.

Лежа там, я отдыхал и с наслаждением курил трубку, вглядываясь в безоблачное небо, раскинувшее надо мною свой полог. Никогда прежде я не воображал себе небо таким неизмеримо глубоким, каким оно представлялось мне теперь, когда я глядел на него в ясную лунную ночь, лежа на дне своего челна. Изумительно также, как далеко можно слышать на воде в такие тихие, ясные ночи. Я как нельзя лучше слышал раз говор на пристани у переправы и мог совершенно явственно различить каждое слово. Кто-то из пере возчиков заметил, что теперь время близится к долгим дням и коротким ночам, а товарищ заметил ему на это, что нынешняя ночь кажется ему особенно короткой. Оба они тогда рассмеялись. Шутник повторил еще раз свою остроту, которая опять вызвала смех. Затем оба перевозчика разбудили третьего, чтобы по тешить его той же самой шуткой, но он только за ворчал и

попросил оставить его в покое. Первый из перевозчиков объявил, что познакомит с этим крылатым словцом свою старуху жену, которой оно, наверное, очень понравится, хотя ему самому случалось говорить еще более хлесткие и сильные слова. Кто-то заметил, что теперь около трех часов ночи и что, вероятно, рассветет не позже чем через неделю. Голоса постепенно от меня удалялись, и я перестал уже различать отдельные слова, но все еще слышал неясный гул разговора, прерывавшийся по временам смехом.

Я спустился тогда уже намного ниже переправы. Усевшись в челне, я увидел Джексонов остров в двух с половиною милях вниз по течению. Остров этот, поросший высокими деревьями, стоял как раз посередине реки, в виде темной, сплошной громады, напоминавшей собою большой пароход с незажженными фонарями. Отмель, находившаяся перед островом, совершенно не была видна. Вода прибыла уже настолько сильно, что совершенно закрыла эту отмель. Течение вскоре принесло меня туда. Челн мой промчался мимо передней части острова с быстротою коня, пущенного вскачь, а затем попал в излучину, где вода как будто совсем не двигалась. Я причалил к острову со стороны, которая обращена к Иллинойскому берегу, и направил свою лодку в хорошо известную мне глубокую впадину. Мне пришлось для этого

раздвинуть ветви нависших над нею ив. Когда я привязал свой челн в глубине этой бухты, никто, без сомнения, не мог бы его увидеть с реки. Поднявшись на береговую кручу острова, я добрался до переднего его мыса и, усевшись на бревно, выброшенное там на берег, принялся глядел на величественную реку, увлекавшую с собою множество бревен и деревьев, вырванных с корнями. Оттуда я перенес свой взор на город, находившийся на расстоянии трех миль, так что можно было явственно различить три или четыре мерцавших там огонька. Чудовищно громадный бревенчатый плот с водруженным на середине его фонарем находился приблизительно в миле от меня вверх по течению и быстро спускался к острову. Я следил за его приближением, и когда он почти поравнялся со мной, на нем раздалась команда: «Работай веслами на корме! Поворачивай голову влево!» Команда слышалась так явственно, как если бы хозяин плота стоял как раз возле меня.

На небе появилась уже узенькая серая полоска, предвещавшая рассвет, а потому я ушел в глубь леса и расположился там вздремнуть перед завтраком.

Глава VIII

Сон в лесу. — Попытка поднять мертвое

тело. — Настороже! — Занимаюсь исследованием острова. — Безвыходный сон. — Нахожу Джима. — Бегство Джима. — Предзнаменования. — Одноногий негр. — Валаам.

Когда я проснулся, солнце стояло так высоко, что, без сомнения, шел девятый час. Лежа на траве в прохладной тени, я думал о разных предметах, чувствуя себя совершенно довольным и спокойным. Сквозь один или два просвета доходили до меня солнечные лучи, но вообще-то высокие и развесистые деревья бросали от себя густую тень. Местами лишь виднелись маленькие светлые пятнышки, там, где свет проникал сквозь листву. Эти светлые места слегка колыхались от легкого ветерка. Парочка белок, сидя на соседней ветке, принялась, завидев меня, лопотать самым дружественным образом.

Меня охватило чувство приятной лени, так как я знал, что незачем вставать и готовить завтрак. Потом я опять было вздремнул, когда мне показалось, будто я слышу глухой звук «бум» где-то вдали, вверх по течению. Я проснулся и, приподнявшись на локте, стал прислушиваться. В скором времени звук этот повторился. Я вскочил, подбежал к одной из прогалин и, спрятавшись в кустах, увидел сквозь отверстия в листве густые клубы дыма, расстилавшиеся на воде приблизительно на уровне переправы. Тут же был и

паром, переполненный людьми и спускавшийся вниз по реке. Я сразу понял, в чем дело. В это мгновение снова раздался выстрел и с борта парома вырвался клуб белого дыма. Это стреляли из пушки над водой, для того чтобы мой труп поднялся на поверхность.

Я сильно проголодался, но мне нельзя было за жечь огонь, так как, чего доброго, его могли бы заметить с парома. Поэтому я сидел смиренно в кустах, любуясь пушечным дымом и прислушиваясь к грохоту выстрелов. Река была тут шириною с милю; она представляла собою в летнее время приятное зрелище, а потому я был бы не прочь любоваться охотой за моими собственными останками, если бы только под рукой имелось что-нибудь съестное. Я вспомнил тогда существующий у нас обычай погружать деревянные стаканчики с ртутью в целые хлеба и спускать их на воду в надежде, что они приплывут прямо к мертвецу и остановятся над затонувшим телом. Я решился поэтому глядеть в оба и, если замечу по соседству какой-либо из хлебов, немедленно его изловить. Зная, что течение проходит близ Иллинойского берега острова, я перебрался туда, и мне не пришлось разочароваться. Большая двойная булка плыла прямо ко мне, и я ее чуть не изловил длинной палкой, но, к сожалению, поскользнулся, и она проплыла мимо.

Я занял позицию как раз в том месте, где течение подходит всего ближе к берегу. Это было мне как нельзя лучше известно. Вскоре приплыла другая большая булка, и на этот раз я не дал маху. Благополучно вытащив ее из воды и вынув вколоченный в булку деревянный колышек, выбросил стаканчик с ртутью и тотчас же принялся уплетать булку так, что у меня лишь за ушами трещало. Это был на стоящий белый хлеб, приготовленный в булочной, из лучшего сорта крупчатой муки и употреблявшийся исключительно местной нашей знатью, а не дрянная жесткая лепешка из маисовой муки, какую утоляет свой голод простонародье. Выбрав себе удобное местечко в чаще кустарника, я уселся там на бревно и принялся закусывать булкой и наблюдать за паромом. Я чувствовал себя как нельзя более довольным своей участью; при этом у меня мелькнула мысль, которая произвела на меня весьма сильное впечатление: мне представилось совершенно ясно, как вдовушка, пастор или другой столь же благочестивый человек молились о том, чтобы этот хлеб меня разыскал. Не подлежало сомнению, что в молитве был некоторый прок. Я решил, впрочем, что она бывает услышана лишь в том случае, когда исходит от людей вроде вдовушки или пастора; таким же сорванцам, как я, не стоит молиться, тем более что пришлось бы

ходатайствовать о выполнении чего-нибудь доброго или благочестивого.

Закурив трубку, я продолжал с любопытством следить за поисками, производившимися на реке. Паром плыл по течению, и я решился не упустить случая посмотреть, кто именно на нем едет: паром должен был подойти почти вплотную к острову, в том самом месте, куда плыл хлеб. Когда паром приблизился достаточно близко к острову, я загасил трубку, пробрался ползком к тому месту, где занимался перед тем ловлей хлеба, и залег за бревном на маленькой прогалинке, возле самого берега. Бревно было с развилиной, сквозь которую я мог удобно наблюдать.

Паром все более приближался и подошел наконец так близко, что с него можно было перебросить лодку и сойти по ней на берег. Почти все мои хорошие знакомые оказались на пароме: мой папаша, судья Татчер, Бекки Татчер, Джо Гарпер, Том Соьер, старушка его, — тетка Полли, Сид, Мэри и многие другие; решительно все толковали про убийство, но капитан прервал этот разговор приказанием: «Гляди теперь в оба! Течением сносит тут все к самому острову; мальчика, может, прибило к берегу, и труп его зацепился где-нибудь за кусты. Я, по крайней мере, надеюсь найти его там».

Я лично не разделял этого мнения. Все

находившиеся на пароме столпились около перил с моей стороны и, перевесившись через них, пристально вглядывались в кусты, окаймлявшие берег острова. Я как нельзя лучше видел всех и каждого, но меня никто не мог разглядеть.

Затем капитан скомандовал нараспев: «Посторонитесь! Пли!»

Пушка, стоявшая на пароме, выпалила прямо в меня. Я на мгновение оглох от страшного грохота и чуть не ослеп от дыма, так что счел себя убитым. Если бы пушка была заряжена ядром или картечью, то этим выстрелом, пожалуй, и удалось бы добыть труп, который так старательно разыскивали. В следующее затем мгновение я сообразил, что, к счастью, остался цел и невредим. Паром поплыл дальше и вскоре исчез из виду, обогнув переднюю оконечность острова. Я слышал, как временами палила пушка, но звук выстрела доносился до меня все слабее, и приблизительно через час он сделался совершенно неслышным. Остров тянулся в длину мили на три. Я думал, что паром, доплыв до нижней его оконечности, отказался от дальнейших поисков. На самом деле он обогнул остров и начал подниматься под парами по протоку, отделявшему остров от Миссурийского берега, продолжая время от времени стрелять из пушки. Убедившись в этом, я перешел на другую сторону острова и продолжал наблюдать за поисками. Поравнявшись с мысом,

паром прекратил пальбу и направился к Миссурийскому берегу, где все мои знакомые вышли на пристань и вернулись в город.

Теперь я знал, что мой план вполне удался. Ни кто больше не станет за мной охотиться. Я вытащил свои пожитки из челна и устроил себе уютную лагерную стоянку в лесной чаще: свои одеяла я раскинул в виде шатра, для того чтобы остальные мои вещи не промокли в случае дождя. Поймав на удочку большую щуку, я распластал ее пилою, а вечером, незадолго до захода солнца, развел в своем лагере костер и приготовил себе ужин, после которого за бросил на ночь удочку в надежде поймать что-нибудь к завтраку.

Долго еще после того, как стемнело, я сидел около своего лагерного костра, курил трубку и чувствовал себя совершенно довольным. Мало-помалу, однако, одиночество мне как будто наскучило. Я встал, вышел на берег и, усевшись там, начал прислушиваться к говору струй, пробежавших мимо. От нечего делать я принялся считать звезды, а также и проплывавшие мимо бревна и плоты. Наконец меня стало клонить ко сну, и, вернувшись в палатку, я лег в устроенную там себе постель. Когда человеку скучно, сон является для него самым надежным средством, чтобы убить время. Арифметика оказывается тут очень полезной: как только начнешь считать

звезды, так сейчас же и заснешь.

Подобным образом провел я на острове трое суток; день походил на день, а ночь на ночь. Никакой разницы подметить было нельзя. На четвертый день, однако, я решился тщательно осмотреть весь свой остров. Я был, если можно так выразиться, един ст венным и неограниченным его властелином, а потому мне следовало с ним хорошенько ознакомиться. Всего более побуждало меня к этой экскурсии желание убить время. Я нашел на острове много спелой превосходной земляники, недозревшего винограда, зеленой еще смородины, брусники и черники. С течением времени эти ягоды, разумеется, должны были мне пригодиться.

Я слонялся по лесу в чаще до тех пор, пока, по моим расчетам, не добрался почти до противоположного конца острова; со мной было ружье, но я не стрелял, так как захватил его лишь на всякий случай для личной обороны. Впрочем, я хотел на обратном пути подстрелить себе что-нибудь на ужин по соседству от моей стоянки. Как было упомянуто, я находился близ противоположного конца острова, когда вдруг чуть не наступил на змею солидных размеров. Она принялась от меня удирать, скользя по траве и между цветами, но я побежал за нею, рассчитывая улучшить удобную минуту и разmozжить ей

выстрелом голову. Таким образом я неожиданно набежал прямо на пепел слегка еще дымившегося костра.

Сердце у меня забилося так сильно, что я положительно ощутил боль в груди. Не вдаваясь в более обстоятельные исследования, я потихоньку опустил взведенный курок ружья и неслышными шагами, на цыпочках, как можно быстрее скрылся в лесной чаще. Временами я на мгновение останавливался и начинал прислушиваться, но моя грудь дышала так учащенно и тяжело, что положительно препятствовала мне различать посторонние шумы. Я отошел тогда немного дальше и снова начал прислушиваться, но так же неудачно. Вообще я находился в очень возбужденном состоянии: каждый пень казался мне человеком, а когда я наступал на хворостину и она подо мною ломалась, у меня захватывало дыхание и я с трудом мог удержаться на ногах. Вернувшись к своей лагерной стоянке, я почувствовал сильнейший упадок духа. Руки у меня окончательно опускались, но я сказал самому себе, что мешкать и лентяйничать теперь не время, а потому уложил все свое имущество обратно в челн, чтобы оно не могло попасться кому-нибудь на глаза. Затем я погасил костер и разбросал золу кругом так, что можно было думать, будто она осталась от про шлогодней стоянки, а затем влез на

дерево.

На этом дереве я просидел, должно быть, часа два, но ничего не видел и не слышал со своего наблюдательного поста. Мне мерещилось, впрочем, будто я видел и слышал множество всевозможных страшных вещей. Во всяком случае, нельзя было вечно сидеть на дереве. Сообразив это, я под конец с него слез, но все время не выходил из чащи и держался настороже. Питаться я мог только ягодами и остатками от своего завтрака.

К ночи я сильно проголодался, а потому, когда совсем уже стемнело, воспользовался тем, что месяц еще не взошел, и переплыл с острова на Иллинойский берег, находившийся приблизительно в четверти мили от меня. Там я ушел в лес и сварил себе ужин, но только я решил расположиться на ночлег, как вдруг услышал отдаленный конский топот. Он все более приближался, и вскоре я мог различать доносившиеся вместе с ним человеческие голоса. Поспешно убрав свои пожитки в челн, я сам отправился лесом на разведку, причем шел с крайней осторожностью. Пройдя всего лишь несколько шагов, я услышал:

— Нам лучше всего будет остановиться здесь, если только найдем удобное место для ночлега. Лошади совсем истомились. Здесь, кажется, будет недурно.

Я, разумеется, поспешил бесшумно удалиться

и отплыл обратно на остров. Привязав челн на прежнем месте, я решил, что всего безопаснее будет выспаться, не выходя из него.

Я спал, нельзя сказать чтобы особенно много: разные мысли мешали мне уснуть, к тому же каждый раз, когда я пробуждался, мне казалось, будто меня хватают за горло. При таких обстоятельствах сон не мог меня подкрепить. Дело дошло до того, что я убедился в невозможности вести более такую жизнь. Надо было выяснить во что бы то ни стало, кто именно находился вместе со мною на острове. Я решил разузнать это или погибнуть и, приняв такое решение, почувствовал себя значительно лучше.

Взявшись за весла, я оттолкнулся от берега всего лишь на шаг или на два, а затем пустил свой челн вдоль острова, держась все время в тени. Ночь была ясная, лунная, и вне теневой полосы было почти так же светло, как и днем. Я плыл таким образом около часа, причем всюду кругом стояла непробудная тишина. Доплыв почти до оконечности острова, я почувствовал, как поднялся порывистый, легкий, прохладный ветерок, являвшийся несомненным указанием, что ночь близится уже к концу. Несколько ударов весла заставили челн выскочить носом на прибрежный песок. Взяв с собою ружье, я вышел из лодки и пробрался в лес, доходивший почти до самого

берега. Сев там на сваленное бурей дерево, я принялся наблюдать сквозь листву за рекой и небом. Вскоре месяц закатился, и вся река окуталась непроглядным мраком. Вслед за тем, однако, над вершинами деревьев показалась светлая полоса, предвестница наступающего дня. Схватив ружье, я направился потихоньку в ту сторону, где встретил вчера костер, причем через каждую минуту или две останавливался и прислушивался. В течение некоторого времени мне как будто не везло; по крайней мере, я никак не мог найти этот костер, но под конец действительно заметил вдали между деревьями мерцание огонька и стал осторожно к нему приближаться. Я продвигался при этом очень медленно, но все-таки подошел под конец достаточно близко, чтобы убедиться, что возле костра лежал человек. В первое мгновение у меня зубы начали стучать от страха. Человек этот, завернувшись с головой в одеяло, лежал так, что голова его чуть не жарилась в огне. Я спрятался за кустами всего лишь в трех шагах от него и не сводил с него глаз. Занималось уже серенькое утро. Через некоторое время незнакомец зевнул, потянулся, сбросил с себя одеяло и оказался Джимом, тем самым рослым негром, принадлежавшим мисс Ватсон, с которым читатель уже познакомился. Можно представить себе, как я обрадовался, убедившись в этом.

— Хелло, Джим! — воскликнул я, выпрыгнув из кустов.

Он, в свою очередь, вскочил и принялся с растерянным видом таращить на меня глаза, а затем упал на колени, протянул с умоляющим видом ко мне руки и проговорил: «Пожалуйста, не обижайте меня! Я ведь никогда не делал ничего дурного мертвому человеку. Я всегда любил мертвецов и оказывал им всяческие услуги. Уйдите, пожалуйста, назад в реку, в назначенное вам место, и не делайте ничего дурного старику Джиму, который всегда был вашим приятелем!»

Мне удалось вскоре растолковать почтенному негру, что я еще нахожусь в числе живых. Я очень обрадовался при виде Джима уже потому, что не чувствовал себя более одиноким. Вместе с тем я имел полную уверенность, что он не станет никому рассказывать о моем убежище. Я все время говорил, а негр молча сидел и глядел на меня. Наконец я сказал:

— Теперь совсем уж рассвело, и нам не мешает позавтракать. Подбрось-ка свежего хворосту в огонь!

— К чему же разводить костер? — спросил он. — Уж не к тому ли, чтобы поджаривать землянику? Впрочем, у вас ведь имеется ружье. Быть может, с его помощью мы добудем себе покушать что-нибудь получше сырой земляники и

брусники.

— Неужели ты кормишься здесь только земляникой и тому подобной дрянью?

— Я не мог раздобыть тут ничего!

— А давно ты на острове, Джим?

— Я попал сюда на следующую ночь после того, как вас убили.

— И все время пробыл здесь?

— Точно так!

— И ты все время ничего не ел, кроме такой дряни?

— Ровнехонько ничего.

— В таком случае ты, должно быть, страшно проголодался?

— Я, кажется, мог бы съесть, не во гнев вам будет сказано, даже мертвеца, если он не особенно протух. А вы, сударь, давно уж на острове?

— С той самой ночи, когда меня убили!

— Скажите на милость! Чем же вы жили? Впрочем, у вас есть ружье. Да, ружье — хорошая штука. Вы что-нибудь застрелите, а я пока разведу огонь.

Я провел Джима к тому месту, где стоял мой челн, и пока Джим разводил костер на поросшей травой полянке между деревьями, я достал муку, свинину, кофейник, сковороду, сахар и жестяные кружки. Негр почувствовал ко мне благоговейный ужас, немедленно сообразив, что все это добыто с

помощью волшебства. Закинув удочку, я немедленно вытащил здоровенную камбалу. Джим выпотрошил ее своим ножом и поджарил.

Приготовив завтрак, мы улеглись на траве и съели его горячим. Особенно усердно работал челюстями Джим, чуть не умиравший перед тем от голода. Впрочем, по правде говоря, мы оба поели с большим аппетитом, а затем, насытившись, предались сладостному ничегонеделанию.

Помолчав некоторое время, Джим спросил:

— Скажите, однако, на милость, Гек, кто был убит в блокгаузе, если вы остались в живых?

Я объяснил ему тогда свою проделку, и он нашел ее очень ловкой. По его мнению, даже Том Сойер не придумал бы более хитрого плана. Тогда я, в свою очередь, спросил:

— А ты, Джим, по какой причине очутился здесь и как ты сюда попал?

Негр, очевидно, почувствовал себя очень неловко и с минуту ничего не отвечал, а затем проговорил:

— Пожалуй, лучше было бы об этом не рассказывать.

— Отчего же, Джим?

— Да так! У меня на это есть причины. Впрочем, ведь вы меня не выдатите, Гек, если я вам расскажу всю правду?

— Будь я проклят, если сделаю это, Джим!

— Ладно! Я верю вам, Гек... Я... я в бегах!

— Быть не может!

— Помните, вы обещали не рассказывать никому? Помните, вы поклялись не выдавать меня, Гек!

— Да, поклялся! Я сказал, что не выдам тебя, и сдержу свое слово. Право, я его сдержу не хуже честного индейца. Меня, конечно, назовут низким и подлым аболиционистом¹ и станут презирать за то, что я тебя прикрываю, но мне это безразлично! Я никому ничего не расскажу, тем более что никоим образом туда не вернусь! Ну, теперь расскажи мне все подробно про твой побег.

— Видите, как это случилось. Старая барышня, то есть эта самая мисс Ватсон, постоянно меня шпиговала и обращалась со мной довольно-таки крутенько, но всегда говорила, что ни под каким видом не про даст меня в низовье реки, в Орлеан. Заметив, однако, что к ней в последнее время часто похаживает работорговец, я начал маленько беспокоиться. Раз поздно вечером я подкрался к двери, а дверь эта была немножко приотворена, и вот я слышу, как старая барышня говорит вдове, что собирается продать меня в Орлеан. Ей и самой было это не по нутру, но, с

---

¹ Сторонник отмены рабства. (Прим. изд.)

другой стороны, за меня дают восемьсот долларов, а против такой крупной суммы денег она устоять не может. Вдова пыталась отговорить свою сестру от этой сделки, и они поспорили друг с другом, но я не стал дожидаться, чем у них кончится разговор, а поспешил улепетнуть из дома подобру-поздорову. Прежде всего я спустился с холма к берегу в надежде воспользоваться там чьей-нибудь лодкой, но на берегу было тогда еще оченьлюдно, а потому я спрятался в старой, полуразвалившейся бочарной мастерской, чтобы обождать, пока все разойдется по домам. Представьте себе, я просидел там целую ночь и все-таки не мог улучшить такой минутки, когда бы никого на берегу не было. Приблизительно так к шести часам утра начали плыть мимо меня лодки. Часам же к восьми или к девяти на каждой из них говорили, что ваш папаша приехал в город объявить о том, что вас убили. Эти лодки были переполнены дамами и джентльменами, ехавшими осматривать место убийства. Случалось, что они приставали к берегу немножко отдохнуть, прежде чем переправиться через реку, так что из слышанных разговоров я узнал все подробности убийства. Мне было очень жаль, Гек, что вас убили, но теперь я об этом нисколько не жалею.

Я пролежал в бочарной целый день за досками и очень проголодался, но не испытывал никакого страха. Я знал, что старая барышня и вдова пойдут

сейчас же после завтрака слушать проповедь в открытом поле и их не будет целый день. Им было известно, что я с раннего утра ухожу на пастбище присмотреть за скотом. Утром мое отсутствие не могло броситься им в глаза. Поэтому они могли узнать про мой побег лишь вечером, после того как стемнеет. Прислуга тоже не могла ничего заметить, потому что каждый раз, когда господ нет, наш брат отправляется тоже погулять по случаю праздника. Как только опять стемнело, я вышел на дорогу и прошел по ней мили две или больше до того места, где не было домов. К этому времени я уже обдумал, как мне следует поступить. Я сказал самому себе: «Если ты, Джим, попробуешь уйти по дороге, то тебя выследят собаки, если же ты украдешь лодку, чтобы переплыть на другой берег, они сейчас же заметят, что лодки нет, и сообразят, что ты переехал на ней через реку. Им не трудно будет переправиться туда с собаками и опять-таки разыскать твой след. Тебе, дружок Джим, надо по пасть как-нибудь на плот. Он не оставляет, по крайней мере, никаких следов».

На реке показался из-за мыса огонек. Завидев его, я тотчас полез в воду, дождался подплывшего ко мне бревна и, держась за него, переплыл больше чем пол дороги через реку. Там встретилось мне множество деревьев, снесенных половодьем и плывших вниз по течению. Прячась между ними и

отталкиваясь от них, я держался против течения до тех пор, пока не подошел плот. Тогда я подплыл к его корме и ухватился за нее. Небо заволокло тучами, так что одно время сделалось порядочно темно. Я воспользовался этим, чтобы влезть на плот и улечься на доски. Плотовщики собрались все посередине, около фонаря. Вода в реке поднималась, и течение сделалось очень быстрым, так что я рассчитывал проплыть на этом плоту за ночь миль двадцать пять, а перед рассветом спуститься потихоньку с него в воду, переправиться на Иллинойский берег и укрыться там в лесах. Мне, однако, не везло. Как раз в то время, когда мы поравнялись с этим самым островом, я видел, что к корме плота направляется человек с фонарем. Дожидаться его, разумеется, было незачем, а потому я спустился с плота и поплыл к острову. Я думал, что можно пристать к нему в любом месте, но это оказалось гораздо труднее сделать, чем я ожидал, так как берег там очень крутой; мне пришлось порядком-таки поплавать кругом острова, прежде чем я нашел удобное местечко. Я ушел здесь в лес и решил, что не стану более пробовать счастья с плотами, на которых горят фонари. При мне имелась трубка в кожаном кисете и несколько спичек в фуражке; они не намокли, и поэтому я чувствовал себя очень хорошо.

— Однако ж тебе приходилось все время жить

без хлеба и мяса. Отчего же ты не ловил черепах?

— Да как же их поймать? Они мигом убегут, а камнем в них ночью не попадешь; днем же разве можно за ними охотиться?

— Пожалуй, что и так! Тебе, разумеется, надо было все время скрываться в лесу. Ты ведь слышал, как они палили из пушек?

— Понятное дело, слышал! Я знал, что они стреляют из-за вас. Я видел, как они подъезжали сюда, и смотрел на них из кустов.

Несколько молоденьких пташек пронеслось мимо. Пролетев немного, они присаживались на мгновенье, а затем вспархивали опять. Джим усмотрел в этом верное предзнаменование близкого дождя. Он объяснил мне, что когда молодые куры начинают вспархивать и перелетать таким образом, наверное пойдет дождь, и что эту примету можно, без сомнения, распространить на всех молодых птиц. Я хотел изловить нескольких птичек, но Джим ни за что мне этого не позволил, объяснив, что это значило бы накликать на себя верную смерть. Когда его собственный отец был очень болен, кому-то из семьи вздумалось поймать птичку; бабушка объявила тогда, что отец непременно умрет, и он немного времени спустя после того в самом деле умер.

Джим сообщил мне, что никогда не следует считать съестные припасы, из которых собираются

готовить обед, так как это приносит несчастье. Столь же опасно вытряхивать скатерть после захода солнца. Если хозяин улья умрет, то об этом следует сообщить пчелам не поз же, как на следующее утро, до рассвета, в противном случае они ослабеют, перестанут работать и перемрут. Джим уверял, будто пчелы не жалят идиотов, но я ему не поверил, так как много раз имел дело с пчелами и они ни за что не хотели меня ужалить.

Я уже и раньше слышал о некоторых приметах, но все-таки далеко не о всех. Джиму же были известны решительно все приметы и предзнаменования; по край ней мере, он уверял меня в этом. Я сказал ему, что все приметы на поверку выходят как будто дурными, и спросил, нет ли также хороших примет. Он ответил:

— Хороших примет очень мало, да и те почти совершенно бесполезны. Какой вам толк знать заранее, что вас ожидает счастье? Ведь вы же не станете заботиться о том, чтобы от него отбояриться. — Он присовокупил:

— Если у вас на волосатых плечах волосатые руки, то это верное предзнаменование, что вы когда-нибудь разбогатеете. Пожалуй, что такая примета пригодна еще на что-нибудь, по крайней мере, на будущее время. Понятно, что вам, может быть, долго придется жить в бедности и вы, чего доброго, могли бы с отчаяния лишиться себя жизни,

если бы не знали вперед, благодаря этой примете, что когда-нибудь разбогатеете.

— А ведь у тебя у самого, Джим, волосатые руки на волосатых плечах?

— К чему задавать такой вопрос? Вы это, чай, видите сами.

— Ну, что ж? Очень ты богат?

— Теперь нет. Но я был уже раз богатым и на верное опять разбогатею. Однажды у меня имелось четырнадцать долларов, но я начал спекулировать и спустил решительно все.

— На чем же ты спекулировал, Джим?

— Первоначально на скоте.

— На каком именно?

— На рогатом. Я купил себе на спекуляцию большую корову за десять долларов, да потом и закаялся, потому что корова издохла на моих руках.

— Так что ты потерял десять долларов?

— Нет, не совсем. Я потерял лишь около девяти, потому что продал шкуру за доллар и десять центов.

— У тебя, как я вижу, осталось пять долларов и десять центов. Что же, ты пустил их тоже в оборот?

— Разумеется, пустил. Вы знаете ведь одноногого негра, принадлежавшего старичку мистеру Брадишу. Так, видите ли, он устроил у себя банк и объявил, что каждый, кто положил туда

доллар, получит в конце года четыре доллара. Вся наша братия, негры, сейчас же и принесли к нему свои сбережения, но денег у них было очень мало. Я один оказывался крупным капиталистом. Я потребовал от банкира, чтобы он заплатил мне более чем четыре доллара за доллар, пригрозив, что в противном случае сам открою банк. Этот негр очень боялся моей конкуренции и уверял, что двум банкам нечем было бы жить, а потому принял мои пять долларов, обещав уплатить за них в конце года тридцать пять. Эта комбинация была для меня очень выгодна, так как я сейчас нашел помещение для будущих моих тридцати пяти долларов. Один из моих знакомых, негр Боб, изловил бревенчатый плот по секрету от своих хозяев. Я купил у него этот плот, обязавшись уплатить в конце года тридцать пять долларов. Кто-то украл, однако, только что купленный мной плот на следующую же ночь, а на другой день после того одноногий негр объявил, что его банк лопнул. Таким образом, никто из нас денег не получил.

— А что же ты сделал с десятью центами, Джим?

— Я собирался было их прокутить, но как раз в это время мне привиделся сон, приказывавший отдать эти деньги негру по имени Валаам, которого в шутку зовут Валаамовым ослом, потому что он не то поло умный, то не совсем дурак. Говорят,

однако, будто ему везет, а как вы видите сами, мне не везло. Вот именно кто-то во сне мне посоветовал, чтобы я отдал Валааму десять центов, уверяя, будто Валаам поместит их с барышом для меня. Валаам и в самом деле взял деньги, а потом пошел в церковь к обедне. Проповедовавший там пастор говорил, что кто подает милостыню бедным, тот дает в долг самому Господу Богу и вернет свои деньги назад сторицей. Уверения эти так подействовали на Валаама, что он сейчас же отдал десять центов бедным и после того ждал все время, какие из этого получатся барыши.

— Ну и что же? Они получились, Джим?

— То есть ровнехонько ни единого гроша. Ни мне, ни Валааму не удавалось потом раздобыть ни единого цента. На будущее я никогда не стану давать в долг иначе, как под верное обеспечение. Пастору хорошо говорить, что вернешь свои деньги сторицею! Если бы я мог вернуть хотя бы только мои десять центов, я бы и то подпрыгнул от радости и сказал бы, что мне везет.

— Ничего, Джим! Все перемелется, мука будет. Тебе ведь известно самому, что рано или поздно ты все-таки разбогатеешь.

— Положим, что так. А знаете ли, меня и теперь можно, пожалуй, назвать богатым. Я сам себе хозяин, а между тем меня ведь оценили в восемьсот долларов. Если бы эти деньги были в

моем кармане, я бы на первое время совершенно ими удовлетворился.

Глава IX

Пещера. — Плавающий дом. — Счастливая находка.

Мне хотелось тщательно осмотреть одно местечко, найденное мною как раз посередине острова, когда я занимался исследованием своих владений. Мы с Джимом отправились туда и не замедлили прийти, так как весь остров имел в длину всего лишь три мили, а в ширину четверть мили.

Это был довольно длинный крутой холм, или гора, футов в сорок вышиною. Мы с трудом добрались до вершины вследствие крутизны склонов, поросших к тому же частым кустарником. Карабкаясь по этой горе и осматривая ее со всех сторон, мы разыскали под конец в скалистой ее вершине пещеру, вход в которую находился со стороны, обращенной к Иллинойскому берегу. В ней удобно поместились бы две или три порядочные комнаты. Вышина оказывалась тоже до статочной для того, чтобы Джим мог всюду стоять и ходить, нисколько не нагибаясь. В пещере было сравнительно прохладно. Джим советовал снести туда не медленно наши пожитки, но я объявил, что не намерен лазать на гору всякий раз, когда

возникнет в них надобность.

Джим возразил на это, что если мы припрячем хорошенько челнок и уложим все наши пожитки в пещеру, то хорошо сделаем, так как если кому-нибудь вздумается случайно навестить остров, то наши пожитки все равно разыщут лишь разве с собаками. Кроме того, птички предсказали ему, что пойдет дождь, а мне, разумеется, не желательно, чтобы мои вещи промокли. Эти доводы показались мне достаточно убедительными. Поэтому мы вернулись назад, сели в челн, доплыли в нем до того места Иллинойского берега нашего острова, которое приходилось как раз против пещеры, и выгрузили там все пожитки. Поблизости мы разыскали бухточку в чаще ивняка, куда и спрятали свой челн. Затем мы занялись ужением и, поймав несколько рыб, начали готовить обед. Вход в пещеру был достаточно велик, чтобы можно было туда вкатить сорокаведерную бочку. По одну его сторону скала образовала небольшой плоский уступ, очень удобный для устройства кухонного очага. Мы сложили этот очаг из камней и немедленно же при готовили там обед. Вместо ковра мы покрыли пол пещеры нашими одеялами и уселись на них обедать. Все прочие наши пожитки мы уложили в порядке около задней стены пещеры. Небо вскоре покрылось мрачными тучами, и началась гроза с громом и молнией, так что

недаром птички предвещали бурю. Не медленно пошел и дождь, обратившийся вскоре в бешеный ливень. Никогда еще до тех пор я не видывал такого сильного ветра. Вообще разыгралась настоящая летняя буря. Стояла страшная темень, и всё вне пещеры приняло синевато-черный, очень приятный, впрочем, оттенок. Дождь падал такой сплошной массой, что деревья, стоявшие невдалеке, виднелись как будто сквозь дымку тумана или сквозь паутину. Ветер налетал такими порывами, от которых деревья сгибались, словно тростинки, оборачиваясь бледной, низ ней стороной листьев кверху. После каждого подобного бешеного порыва дождь еще больше усиливался, и деревья начинали размахивать ветвями, словно в состоянии невменяемости. В то самое мгновение, когда все кругом приняло самый густой темно-синий оттенок, вдруг, словно по мановению волшебного жезла, разливается всюду яркое сияние и вы на один миг видите пригибающиеся верхушки деревьев, находящихся в нескольких милях от вас. В следующий миг все снова погружено во мрак и раздается страшный удар грома, который начинает затем раскатываться и грохотать, словно ниспадая с неба вниз, в преисподнюю. Можно было подумать, что с неба вниз по лестнице катают громадные пустые бочки, прыгающие с одной ступени на другую.

— Как славно здесь, Джим! — сказал я. — Мне здесь так хорошо, что я ничего лучшего даже и не желаю. Передай-ка мне еще кусок рыбы и горячую маисовую лепешку.

— А ведь без Джима вы не были бы здесь, — возразил негр. — Вы сидели бы там, в лесу, без обеда, под таким дождем, который промочил бы вас до костей. Вот что было бы с вами, мой голубчик! Цыплята знают заранее, когда время идет к дождю, да и птичкам это известно, дитятко!

Вода в реке продолжала прибывать в продолжение еще десяти или двенадцати дней, так что под конец вышла из берегов. Она затопила низменные части острова, а также Иллинойский берег на глубину трех или четырех футов. С Иллинойской стороны река имела теперь ширину в несколько миль, но Миссурийский берег находился от нее по-прежнему на рас стоянии полумили, так как представлял собою нечто вроде стены, спускавшейся в реку обрывистой кручей.

Днем мы обыкновенно плавали в челноке по острову. Даже в самое жаркое время дня, когда солнце беспощадно пекло на открытых местах, в лесной чаще стояла приятная тенистая прохлада. Нам приходилось поминутно поворачивать челн, чтобы пробираться между деревьями; в иных местах путь преграждали виноградные лозы, свешивавшиеся таким густым по логом, что

приходилось сворачивать перед ними и отыскивать другой, более свободный проход. На каждом старом обвалившемся дереве сидели во множестве кролики, змеи и тому подобные твари. После того как наводнение на острове продержалось день или два, они настолько проголодались, что стали совсем ручными: можно было подъехать прямо к ним и взять их в руки, если бы это было угодно. Впрочем, я говорю лишь про млекопитающих, так как змеи и черепахи немедленно в таких случаях бросались в воду. Наружный выступ перед нашей пещерой служил, однако, главным сборным пунктом для четвероногого населения острова. Если бы нам заблагорассудилось, мы могли бы приручить множество различных зверь ков. Раз ночью мы поймали одно из звеньев большого бревенчатого плота с настилкою из превосходнейших сосновых досок, в две с половиною сажени длиною и полторы сажени вышиною. Настил возвышался над водой дюймов на шесть или на семь и представлял собой плотно сколоченную ровную палубу. Днем за частую плыли мимо нашего острова половодьем бревна и доски, но мы их не трогали, так как не смели показываться на реке при дневном свете. В другой раз, ночью, выехав на лодке перед рассветом как раз к переднему мысу острова, мы увидели плывший мимо сруб двухэтажного дома, который значительно уже покосился. Дом этот

несло довольно далеко от нас, по направлению к Иллинойскому берегу, но мы все-таки его нагнали и взобрались туда через окно. В верхнем этаже было слишком темно, чтобы рас смотреть что-нибудь, а потому мы привязали челнок к срубам и остались в челноке ожидать рассвета.

Начало светать, прежде чем мы доплыли до окна в срубам. Заглянув тогда через окно, мы увидели в комнате верхнего этажа кровать, стол, два деревянных стула и много всяких пожитков, разбросанных по полу; на стене висело разное платье, а в дальнем углу на полу лежало что-то похожее на человека. Джим на всякий случай окликнул этот предмет:

— Эй, вы!

Предмет не трогался с места, поэтому я окликнул его, в свою очередь, также безуспешно, а затем Джим категорически объявил:

— Он не спит! Он умер! Сидите здесь, в челне и не трогайтесь с места, а я зайду туда поглядеть.

Он влез в окно, подошел к трупам и после тщательного осмотра сказал:

— Он мертв и раздет дочиста. Его застрелили сзади, прямо в спину, должно быть, дня два или три назад. Войдите сюда, Гек, но только не смотрите на его лицо, оно слишком уж страшно!

У меня не было ни малейшего желания глядеть на него. Джим накрыл мертвеца кое-какими

старыми лохмотьями, но это было с его стороны совершенно лишней предосторожностью, так как я все равно ничего бы не увидел. На полу валялась колода засаленных, грязных карт и бутылка из-под водки. Там же лежала пара масок, изготовленных из старого сукна. Стены были покрыты самыми невежественными надписями и рисунками, сделанными углем. На одной стене висели два старых, грязных ситцевых платья, шляпка и несколько женских рубашек и юбок. Там было еще кое-что из мужского платья. Мы забрали с собой весь этот гарде роб и уложили его в челн, рассчитывая, что он может пригодиться. Я захватил также валявшуюся на полу не струю соломенную шляпу, какие носят в наших местах летом мальчишки. Мы нашли бутылку с молоком, к которой приспособлена была соска из тряпки для грудного ребенка. Мы охотно бы ее взяли, но она оказалась разбитой. В комнате оказался большой ветхий сундук и старый чемодан с оборванными петлями. Оба они были раскрыты, но в них не оставалось ничего сколько-нибудь пригодного. Судя по тому, как были разбросаны пожитки, мы пришли к заключению, что жильцы этого дома очень торопились его бросить и многое даже не успели захватить с собой.

Мы нашли старый жестяной фонарь, мясницкую тяпку без ручки, совершенно новый

большой складной нож, за который в любом магазине пришлось бы заплатить два доллара, целую пачку сальных свечей, жестяной подсвечник, плетеную флягу, жестяную чашку, старый, порядком уже истрепанный тюфяк, женский несессер² с иголками, булавками, воском, нитками, пуговками и тому подобными мелочами, топор, несколько гвоздей, лесу от удочки, толщиной в мой мизинец, с несколькими чудовищными, прикрепленными к ней крючками, целый большой сверток клеенки, кожаный собачий ошейник, лошадиную подкову и несколько аптекарских склянок с лекарствами, но без этикеток. Мы забрали все это с собой и собирались уже уходить, когда я разыскал довольно порядочную еще скребницу, а Джим — старый-старый скрипичный смычок и одну ходулю. Подножка от нее была отломана, но тем не менее ходуля эта была еще довольно новая, хотя и оказывалась для меня слишком длинной, а для Джима очень короткой. Все наши усилия отыскать другую ходулю остались тщетными.

Как бы ни было, мы, во всяком случае, нагрузили свой челн богатой добычей; когда мы

---

² Специальный контейнер для мелких предметов. (Прим. изд.)

уселись в него сами и, отчалив от двухэтажного сруба, продолжали плыть по течению, оказалось, что нас снесло на четверть мили ниже острова и что совершенно уже рас светло. Я велел поэтому Джиму лечь и накрыл его тюфяком. Это было сделано мною из предосторожности, так как если бы он сидел в лодке, то его издали уже признали бы за негра. Я направил свой челн к Иллинойскому берегу, причем меня снесло еще, по крайней мере, на полмили вниз, но затем, держась возле берега, где течение было почти незаметно, я поднялся опять вверх, на целую милю. При этом с нами не случилось ничего достопримечательного, и мы благополучно вернулись к себе на остров, не попавшись никому на глаза.

Глава X

Сокровище. — Старик Ганк Бэнкер. — Я переодеваюсь.

После завтрака я хотел потолковать с Джимом об убитом и уяснить себе, при каких обстоятельствах с ним покончили, но Джим не пожелал толковать со мной на эту тему; он объявил, что это принесло бы нам несчастье; кроме того, мертвец может, чего доброго, зайти к нам, и такие посещения войдут у него, пожалуй, в привычку. Покойник, которого не похоронили, должен был, по

мнению Джима, чувствовать несравненно большую склонность к бродяжничеству, чем мертвец, которого своевременно уложили в гроб и зарыли в могилу. Соображения эти показались мне довольно рассудительными, а потому я не решился настаивать и спорить с Джимом, но мысль моя продолжала работать, и я все-таки томился желанием узнать, кто именно застрелил этого несчастного и чего ради совершено это злодейство.

Осмотрев привезенные нами платья, мы нашли восемь долларов серебряной монетой, зашитых в подкладке старого плаща, служившего одеялом. Джим заключил отсюда, что хозяева дома украли плащ, так как если бы они знали, что в нем зашиты деньги, то не бросили бы его. Я, со своей стороны, пришел к убеждению, что они же и совершили убийство, но Джим упорно отказывался говорить об этом. Я позволил себе тогда заметить ему:

— Ты уж чересчур веришь приметам. Вспомни только наш разговор насчет того, что я принес в пещеру змеиную шкуру, найденную мною третьего дня на вершине этой горы. Ты говорил ведь тогда, что дотрагиваться руками до змеиной шкуры самая дурная примета, какую только можно себе представить. Между тем, к чему она привела? Мы добыли с тех пор множество разного домашнего скарба и в довершение всего нашли

деньгами восемь долларов. Я бы сердечно желал, Джим, чтобы на меня каждый день обрушивались такие несчастья.

— Успокойтесь, голубчик! Повремените немножко! Не хвастайтесь преждевременно; несчастье еще при дет. Тогда вспомните, что я вас предостерегал, но будет уже поздно!

И действительно, беда не замедлила на нас обрушиться. Разговор этот происходил во вторник, а в пятницу, после обеда, мы с Джимом лежали на траве, на самой верхушке горы. Табак у меня в кисете весь вышел, и я спустился в пещеру, чтобы набить кисет свежим табаком. Найдя там гремучую змею, я ее убил и сложил на одеяле в ногах у постели Джима, свернув в клубок, так что она казалась живой, — рассчитывая позабавиться ужасом, в который придет Джим, когда увидит ее там. К вечеру, однако, я совершенно забыл про змею, и когда Джим, не дождавшись, пока я зажгу свечу, бросился прямо на одеяло, оказалось, что там лежала товарка убитой змеи, которая его и укусила.

Он вскочил, взвизгнув от боли. Тем временем свеча загорелась, и первое, что мы увидели при ее свете, была змея, свернувшаяся спиралью и приготовившаяся броситься опять на кого-нибудь из нас. Я уколошил ее мгновенно ударом палки, а Джим схватил папашин кувшин с водкой и с жадностью принялся ее пить. Он был босиком, и

змея укусила его как раз в пятку. Виною всему этому была собственная моя глупость; мне следовало помнить, что если оставить где-нибудь мертвую змею, ее товарка непременно приползет и обовьется вокруг нее. Джим попросил меня оторвать у змеи голову, а с туловища содрать кожу и кусочек его поджарить. Я исполнил его желание. Он съел изрядный кусок змеи и выrazil надежду, что после того выздоровеет. Я потихоньку вышел из пещеры и вышвырнул остатки обеих змей в кусты. Я вовсе не хотел, чтобы Джим узнал про мою неосторожность, из-за которой, как уже упомянуто, случилась вся беда.

Бедняга негр усердно потягивал водку из кувшина. Время от времени он приходил как будто в состояние невменяемости, корчился, словно в судорогах, и за вывал самым отчаянным образом. Но как только возвращалось к нему сознание, он снова принимался пить водку. Стопа у него сильно распухла, и опухоль распространилась мало-помалу на всю ногу. Вскоре, однако, он совсем опьянел, и я пришел тогда к убеждению, что он благополучно выздоровеет. Тем не менее, лекарство показалось мне хуже болезни. Я бы скорее примирился с укусом гремучей змеи, чем с папашиной водкой.

От совместного действия их обоих Джиму пришлось пролежать четверо суток. Опухоль тогда у него совершенно прошла, и он оказался опять на

ногах. Я дал себе зарок никогда впредь не дотрагиваться собственными руками до змеиной шкуры, так как убедился, сколько зла от этого произошло. Джим, в свою очередь, высказал надежду, что в будущем я не стану с таким презрением относиться к приметам. При этом он объявил, что брать змеиную шкуру в руки до чрезвычайности дурная примета и что мы навряд ли отделались от последствий столь неосторожного моего поступка. Он присовокупил, что готов охотнее тысячу раз глядеть через левое плечо на новый месяц, чем единожды взять змеиную кожу в руки. Мне пришлось лично убедиться в справедливости его слов, хотя я всегда держался того мнения, что глядеть через левое плечо на новый месяц является одним из неосторожнейших и безрассуднейших поступков, возможных для человека. Старик Ганк Бэнкер проделал однажды эту штуку и вздумал еще хвастаться, будто не верит приметам. И что же вышло на поверку? Года через два после этого он напился пьян, свалился с высокой башни, построенной для приготовления дробы, и разбился так, что поломал себе все кости. Вместо гроба его уложили между двумя створками ворот от овина³ и похоронили таким образом. Я

---

³ Постройка, предназначенная для сушки снопов. (Прим. изд.)

сам не присутствовал на его похоронах, но мне о них рассказывал папаша. Понятное дело, что если Ганк Бэнкер превратил себя в блин, то эта напасть приключилась с ним именно оттого, что он позволил себе такое дурачество, как глядеть на молодой месяц через левое плечо.

Дни проходили за днями, и река снова вернулась в свои берега. Мы с Джимом насадили на один из громадных крючков нашей лесы кролика, с которого предварительно содрали шкуру, и поймали на эту наживу сома величиною в человеческий рост, так как он имел в длину шесть футов два дюйма и весил более двухсот фунтов. Мы, разумеется, не могли тот час же вытянуть его на берег, так как он, без со мнения, утащил бы нас обоих в реку, и предпочли поэтому сидеть сложа руки, наблюдая, как он бился и метался до тех пор, пока, наконец, не выбился совершенно из сил. Мы нашли у него в желудке медную пуговицу, клубок и множество всякой дряни. Разрубив клубок топором, мы обнаружили внутри него катушку. Джим объявил, что она, должно быть, давно уже проглочена, так как успела обрасти всякой дрянью и обратиться в целый клубок. Думаю, что в Миссисипи навряд ли случалось когда-нибудь поймать более крупную рыбу. Джим уверял, что он в

жизнь свою еще не видал такого сома. Если бы мы могли отвезти его в город, то выручили бы за него крупную сумму: такую громадную рыбину продают там на рынке по фунтам. Каждое хозяйство берет себе по несколько фунтов. Сомовина в нашей реке бела, как семга, и из нее получается прекрасное жаркое.

На следующее утро я объявил Джиму, что жизнь наша становится скучной и вялой и что мне необходимо немного встряхнуться. Я решил поэтому переправиться через реку и посмотреть, что делается в городе. Джим одобрил мое решение, но посоветовал выполнить его, когда уже стемнеет, и соблюдать при этом крайнюю осторожность. Всесторонне обсудив упомянутое решение, он спросил, нельзя ли мне будет воспользоваться имеющимся женским платьем и одеться молоденькой девушкой? Мы укоротили одно из ситцевых платьев, и я влез в него, засучив предварительно брюки до колен; Джим застегнул крючки, находившиеся позади, и объявил, что платье сидит на мне превосходно. Надев на себя шляпу, я завязал ее лентами под подбородком, и если бы тогда кто-нибудь вздумал заглянуть мне в лицо, ему пришлось бы для этого нагнуться и влезть головой в раструб шляпки. По мнению Джима, никто не узнал бы меня и днем в таком наряде. Я целый день практиковался ходить в

женском костюме и посте пенно приобрел некоторую сноровку, хотя Джим все-таки уверял, будто я не умею ходить, как девушка. Особенно неуместной находил он мою привычку подбирать платье, чтобы засовывать руки в карманы брюк. Я принял это замечание к сведению и старался с ним сообразоваться.

Переехав на челноке к Иллинойскому берегу, я, как только стемнело, переправился через реку в город немного ниже пристани и у самого берега дал отнести челнок течением, так что причалил уже на окраине. Привязав там лодку, я пошел вдоль берега. При этом я заметил, что в маленьком домике, в котором давно уже никто не жил, горит свеча.

Меня заинтересовало, кто именно там поселился, а потому я подошел к окну и заглянул в комнату. На простом сосновом столе стояла свеча, при свете которой вязала чулок женщина лет под сорок. Лицо ее было мне незнакомо, из чего я заключил, что она, должно быть, приезжая, так как я знал в лицо почти все население нашего местечка. Возможность поговорить с незнакомкой была для меня тем более соблазнительной, что я чувствовал некоторый упадок духа, начиная уже раскаиваться, что приехал. Я опасался, что меня узнают по голосу и задержат. С этой незнакомкой я не подвергался подобному риску, а между тем, если она пробыла в

нашем городке два дня, то, без сомнения, успела узнать всю подноготную и может сообщить мне в подробностях все, что меня интересовало. Я смело постучался поэтому в дверь и решил при этом ни на минуту не забывать, что играю роль девушки.

Глава XI

Гек и незнакомка. — Допрос. — Я попадаю впросак. — Выпутываюсь, утверждая, будто иду в Гошен. — Предупреждаю Джима, что нас собираются разыскивать.

— Войдите, — предложила незнакомка, и я вошел. Затем она сказала:

— Присядьте, — и я сел. Она окинула меня с ног до головы маленькими блестящими глазками и спросила:

— Как вас зовут?

— Сара Уильямс.

— А где вы живете? Должно быть, здесь, по соседству?

— Нет, сударыня! В Пеккервиле, в семи милях отсюда, вниз по течению. Я всю дорогу шла пешком и очень устала.

— Должно быть, также и проголодались? Я сейчас отыщу вам что-нибудь съестное.

— Нет, сударыня! Я теперь сыта. Дорогой я действительно проголодалась, так что мне

пришлось остановиться в двух милях отсюда на одной ферме, чтобы закусить. Я там порядочно позавтракала и более теперь не голодна, но зато немного замешкалась. Мамаше моей нездоровится, и она послала меня к дяде Абнеру Муру сказать, что у нас в доме нет ни денег, ни провизии. Он живет, говорят, в верхнем конце города. Я здесь никогда еще до сих пор не бывала. Быть может, вы его знаете?

— Нет, я никого еще здесь не знаю. Сама я здесь недавно, менее двух недель. До верхнего конца города далековатко, а потому вам лучше здесь переночевать. Снимите-ка с себя шляпку!

— Нет, я только немножко отдохну, а потом пойду дальше, темноты я не боюсь, — возразил я.

Незнакомка объявила, что не отпустит девушку-подростка идти поздней ночью одну в такую даль. Вскоре, примерно так часа через полтора, должен вернуться ее муж, которого она и пошлет со мной в качестве провожатого. Затем она принялась рассказывать мне про мужа и про своих родственников в верховьях и низовьях реки. Ей с мужем жилось гораздо лучше до переезда в наш город. Теперь же они видят, что ошиблись в расчетах, но дело уже сделано. Что с воза упало, то и пропало! Под конец я начал было опасаться, что сделал ошибку, войдя к ней за справками. Мало-помалу она, однако, повела речь про папашу

и про мое убийство, и тогда я стал очень охотно слушать ее болтовню. Она рассказала про то, как мы с Томом Соьером нашли по шесть тысяч долларов каждый (увеличив, впрочем, эту сумму до десяти тысяч), затем начала говорить про моего отца, которого назвала неисправимым пьяницей и бродягой; обо мне лично незнакомка дала тоже не особенно лестный отзыв, а потом начала рассказывать, где именно меня убили. Я позволил себе осведомиться:

— Кто же именно это сделал? К нам в Пеккервилль тоже дошли слухи об убийстве, но у нас не знают, кто именно убил Гека Финна.

— Здесь многим тоже очень бы хотелось узнать наверняка, кто его убил. Некоторые подозревают, что это сделал сам старик Финн.

— Неужели! Быть не может!!!

— Сперва почти все были, признаться, такого мнения. Он навряд ли узнает когда-нибудь, что его жизнь висела на волоске и что с ним собрались было уже расправиться судом Линча. К вечеру, однако, напали на другой след и решили, что убийцей Гека был не кто иной, как беглый негр Джим.

— Как же он мог...

Я остановился, благоразумно решив лучше подождать. Женщина продолжала, не обращая ни малейшего внимания на то, что я ее прервал.

— Этот негр сбежал в ту самую ночь, когда убили Гека Финна. За поимку его обещана награда в триста долларов, а за поимку старика Финна двести долларов. Старик явился в город утром и сообщил про убийство. Он был вместе с другими на пароме, пока разыскивали труп, а после розысков, которые так ни к чему и не привели, ушел и пропал без вести. Вечером в тот же день собирались над ним учинить расправу, а его уж и след простыл. Между тем на другой день оказалось, что негр сбежал; из расспросов узнали, что он пропал без вести часов в десять вечера, накануне убийства бедного Гека. Понятное дело, его сейчас же и заподозрили в убийстве. В то самое время, когда все напали, так сказать, на новый след, явился на другой день в город старик Финн и со слезами на глазах принялся умолять судью Татчера, чтобы дали ему денег на производство поисков; он уверял, что негр скрывается в Иллинойсе и что он непременно его найдет. Судья имел неосторожность дать ему кое-что. Старик в тот же вечер напился, и его видели здесь в городе в тот же день еще около полуночи с двумя очень подозрительными на вид незнакомцами, вместе с которыми он и ушел отсюда. С тех пор он сюда не возвращался. Думают, что он вернется, лишь когда возбуждение немного поутихнет. Теперь подозрение падает опять преимущественно на него:

думают, что он сам убил мальчика и обставил дело так, чтобы свалить дело на разбойников. Смерть Гека ему во всяком случае на руку, так как он может теперь вы требовать себе деньги сына без судебного разбирательства. Полагают, что он такой человек, от которого это можно ожидать. Во всяком случае, это хитрая бестия! Если он обождет так с годок, то дело его окажется в шляпе. Никаких улик против него нет. Всё к тому времени успокоится, и он без всяких хлопот заграбастает капитал своего сына.

— Пожалуй, что и так, сударыня. Никаких препятствий к этому, кажется, не будет. Ну, а этого самого негра теперь никто не подозревает в убийстве?

— Нельзя сказать, чтобы его не подозревали. Многие считают его убийцей! Впрочем, его скоро поймут и, без сомнения, заставят тогда признаться во всем!

— Неужели его еще и теперь разыскивают?

— Какая вы, однако, наивная девочка! Разве триста долларов валяются каждый день на земле, чтобы никто не постарался их подобрать! Существует предположение, что негр прячется где-нибудь здесь поблизости. Я тоже так думаю, но никому насчет этого не рас сказываю и стараюсь держать язык за зубами. Не сколько дней тому назад я разговорилась со стариком и старушкой, что

живут здесь рядом в бревенчатом домике; они уверяли, будто никто почти не посещает соседнего островка, который называют здесь Джексоновым островом. «Живет там кто-нибудь?» — спросила я. — «Нет, никто не живет». Я ничего не возразила, но призадумалась. Дело в том, что я могла бы побожиться, что за день или два перед тем видела на острове близ переднего мыса дым, откуда заключила, что если негр там и прятался, то он успел уже убежать оттуда куда-нибудь подальше. Все-таки мой муж с хорошим своим приятелем рассчитывает побывать на острове. Он уезжал по делам вверх по реке и сегодня вернулся. Как только он прибыл сюда, я ему сейчас же рассказала все мои подозрения.

Я до такой степени смутился, что не мог усидеть спокойно. Мне непременно следовало бы чем-нибудь занять свои руки. Взяв со стола иголку, я пробовал вдеть в нее нитку; руки у меня, однако, дрожали так, что я никак не мог попасть концом нитки в иголку. Хозяйка замолчала, и я, взглянув на нее, заметил, что она, в свою очередь, глядит на меня очень пристально и слегка улыбается.

Положив иголку и нитку на стол, я поспешил обнаружить к предмету разговора интерес, который и на самом деле к нему ощущал.

— Триста долларов — большие деньги, — сказал я, — хорошо было бы, если б их могла

заполучить моя мамаша. Надеюсь, что ваш супруг, сударыня, собирается побывать сегодня же вечером на острове?

— Понятное дело, сегодня же ночью! Он ушел теперь в город со своим товарищем, чтобы раздобыть лодку, а если можно, то и другое ружье. Они поедут на остров сейчас, после полуночи.

— Отчего бы им лучше не обождать до утра? Днем ведь, кажется, было бы виднее?

— Разумеется, виднее, да только не им одним, но и негру. А вот после полуночи он, вероятно, заснет, и тогда можно будет беспрепятственно осмотреть лес и отыскать его логовище, особенно если у него разведен на ночь костер. Огонь в темноте далеко виден.

— Я об этом, признаться, не подумал! — отвечал я.

Хозяйка взглянула на меня очень пристально и тем еще более усилила мое смущение. Помолчав немного, она спросила:

— Как, вы говорили, вас зовут, милочка?

— Мм... мм... мм... мм... Мэри Уильямс!

Мне самому казалось, что в первый раз я назвал себя не Мэри, а как-то иначе, а потому я невольно потупил глаза. Мне стало даже теперь довольно явственно представляться, что я как будто назвал себя Сарой. Я чувствовал себя прижатым к стене и опасался, что это, пожалуй, заметят, а

потому с нетерпением ждал, чтобы хозяйка сказала еще что-нибудь. Чем больше она молчала, тем хуже я себя чувствовал. Наконец она возразила:

— Да ведь, если я не ошибаюсь, милочка, вы назвали себя сперва Сарой?

— Точно так, сударыня. Полное мое имя Сара-Мэри Уильямс. Поэтому меня называют и Сарой, и Мэри, безразлично.

— Так, значит, у вас два имени?

— Точно так, сударыня!

Я почувствовал некоторое облегчение, но тем не менее искренне желал убраться как можно скорее подобру-поздорову. Я все-таки не смел взглянуть хозяйке прямо в лицо.

Она, в свою очередь, принялась рассказывать мне, какие теперь тяжелые времена, в какой бедности приходится ей жить с мужем и как нагло бегают у них по лачуге крысы. Эти негодные крысы воображают себя, по-видимому, настоящими домовладельцами, а потому нисколько не стесняются, и т. д., и т. д. Это меня опять-таки ободрило. Хозяйка очень долго распространялась о крысах и уверяла, что каждое мгновение какая-нибудь из них высовывает свой нос из дыры, которую они прогрызли в углу комнаты. Хозяйка рассказала мне также, что держит у себя под рукой что-нибудь, чем можно было бы запустить в крысу, и только благодаря этому кое-как еще уживается с

ними. Она показала мне свинцовый прут, завязанный узлом, и объявила, что обыкновенно попадает очень хорошо этим метательным орудием, но так как дня два тому назад слегка вывихнула себе руку, то и не знает теперь, не пострадала ли от этого ее меткость? Тем не менее она решилась произвести опыт и пустила свинцовым прутом в первую попавшуюся на глаза крысу, но промахнулась и вскрикнула, сообщив, что рука у нее заболела от сделанного усилия, а затем попросила меня попытаться, в свою очередь, счастья. Мне хотелось уйти прежде возвращения мужа хозяйки, но я не смел выказать ей этого. Взяв свинцовый прут, я бросил им в крысу, дерзнувшую высунуть свой нос из дыры, и если бы она не поторопилась ретироваться, то, без сомнения, значительно бы пострадала. Хозяйка отозвалась с большою похвалою о моей меткости и высказала предположение, что в следующий раз я непременно убью крысу наповал. Встав со стула, она принесла назад кусок свинца и, вместе с тем, также моток ниток, который ей хотелось размотать. Хозяйка попросила меня подержать моток, дала мне его в руки и принялась сматывать в клубок, продолжая рассказывать про себя и своего мужа. Внезапно она прервала этот разговор, воскликнув:

— Поглядывайте, однако, за крысами! Вам лучше будет держать свинчатку в подоле, чтобы

она была у вас под рукой. — С этими словами она бросила мне свинцовый прут в подол, а я проворно стиснул его ногами. После того она поговорила со мной еще минутку, а затем, взяв у меня нитки, взглянула мне прямо в лицо и спросила меня шутливым тоном:

— Ну, моя душечка, скажи мне теперь серьезно твое настоящее имя?

— Как! Что вы говорите, сударыня!

— Я хочу знать настоящее твое имя. Как тебя зовут: Билл, Том, Боб или, быть может, как-нибудь иначе?

Я дрожал, как осиновый лист, и не знал хорошенько, что мне делать. На всякий случай я возразил:

— Ах, сударыня! Зачем вы так смеетесь над бедной девочкой! Мне это даже обидно. Если я вам мешаю, то сейчас же уйду.

— Нет, ты не уйдешь! Садись и оставайся здесь! Я тебя не обижу и не намерена тебя выдавать! Будь со мною только совершенно откровенен: я сохраню твою тайну и, кроме того, тебе помогу. В случае надобности тебе поможет и мой муж. Я как нельзя лучше догадываюсь, что ты работник, сбежавший от своего хозяина, и, признаться, не вижу в этом ничего дурного. С тобою дурно обходились, и ты наострил лыжи. Клянусь Богом, дитя мое, я тебя не выдам! Будь

паинькой и расскажи все как было!

Я объяснил хозяйке, что готов рассказать ей сущую правду, ничего не скрывая, но с тем, что и она, в свою очередь, должна сдержать слово. После такого вступления я сообщил ей, что отец и мать у меня умерли, а затем мировой судья отдал меня в работники из-за хлеба к одному старику-фермеру, скряге и не годяю, который живет в провинции, милях в тридцати от берега реки. Старик обращался со мною так дурно, что я чувствовал себя не в силах выносить этого долее. Воспользовавшись тем, что он уехал денька на два, я убежал от него, позаимствовав старое платье его дочери и выброшенную на чердак шляпу. Мне пришлось потратить три ночи, чтобы пройти эти тридцать миль. Я шел по ночам, а днем прятался и спал. Хлеба и ветчины, захваченных мною в котомку, хватило мне на всю дорогу, так что я и теперь еще вовсе не голоден. Я присовокупил, что рассчитываю на своего дядюшку Абнера Мура, который, наверное, приютит меня у себя. Это и заставило меня явиться прямо в Гошен.

— В Гошен! Да ведь это вовсе не Гошен, дитя мое! Это С.-Питерсбург. Гошен находится в десяти милях дальше, вверх по течению. Кто вам сказал, что это Гошен?

— Человек, с которым я встретился сегодня утром на рассвете, как раз в то время, когда

собирался идти в лес, чтобы выспаться. Он говорил, что там, где дорога будет расходиться надвое, я должен держаться правой руки и через пять миль дойду до Гошена.

— Должно быть, он был пьян, так как направил тебя совсем не туда, куда следовало.

— Положим, что он показался и мне как будто навеселе; но теперь ничего уже не поделаешь. Мне пора тронуться в путь, так как я хотел бы добраться к рассвету до Гошена.

— погоди минутку, я дам тебе кое-что закусить. В дороге это может тебе пригодиться.

Угостив меня остатками обеда, она спросила:

— Когда лежащая корова встает, какой стороной она подымается? Отвечай скорее, не задумываясь!

— Задней стороной, сударыня.

— Ну, а лошадь?

— Передним концом, сударыня.

— С какой стороны дерево больше обрастает мхом?

— С северной!

— Если пятнадцать коров пасутся на склоне холма, сколько из них едят, держа голову в одинаковом на правлении?

— Все пятнадцать, сударыня!

— Ну, ладно! Вижу теперь, что ты и в самом деле жил в провинции, а то я думала, что опять

меня надуваешь. Как тебя в самом деле зовут?

— Джордж Петерс, сударыня.

— Старайся не забывать этого, Джордж, а то, чего доброго, ты по нечаянности назовешь себя перед ухо дом отсюда Александром и, когда я тебя уличу в забывчивости, дашь себе двойное имя Джордж-Александр. Советую тебе также не щеголять перед женщинами в этом старом плаще. Ты слишком плохо играешь роль девочки, хотя мужчину, быть может, еще и одурачишь; заметь себе, дитя мое, что когда вдеваешь нитку в иглу, не следует держать нитку неподвижно и насаживать иголку на нее. Напротив того, держи неподвижно иголку и вдевай нитку в ее ушко. Так всегда делаем мы, женщины; мужчины же поступают обыкновенно наоборот. Если ты, в роли девочки, хочешь бросить чем-нибудь, например в крысу, тебе надо подняться на цыпочки, занести руку над головой со всей возможной для тебя неловкостью и промахнуться по крайней мере аршина на три в сторону. Когда ты бросаешь, рука у тебя должна остаться выпрямленной от самого плеча, совершенно так, как если бы она поворачивалась там на шарнире; так всегда делают девочки. Напротив того, мальчишка поворачивает всегда при этом руку в кисти и локте, занося ее не вверх, а в сторону. Заметь себе так же, что девочка, стараясь поймать что-нибудь в подол, расставляет колени, а

не сдвигает их вместе, как сделал это ты, ловя брошенную мною свинчатку ⁴. Я сразу же догадалась, что ты мальчик, как только ты стал вдевать нитку в иглу, и придумывала другие испытания, единственно только для более полной проверки своего первого впечатления. Теперь, милейший

мой Сара-Мэри-Уильямс-Джордж-Александр Петерс, отправляйся к своему дядюшке или куда тебя Бог несет, а если с тобою приключится что-нибудь неладное, пошли сказать об этом госпоже Юдифи Лофтус, то есть мне самой, и я постараюсь как-нибудь тебя выручить. Держись той дороги, что идет вдоль реки, а в следующий раз, когда задумаешь бежать, запасайся, на всякий случай, башмаками и чулками. Береговая дорога здесь каменистая, и ты порядком, должно быть, собьешь себе ноги, пока доберешься до Гошена.

Я прошел вдоль берега вверх по течению шагов с пятьдесят, а затем повернул назад и осторожно добрался до того места, где стоял на привязи мой челнок, значительно ниже дома Лофтусов. Сев в челн, я поднялся на нем вверх по течению, значительно выше переднего мыса острова, и лишь после того поплыл через реку. Тем

---

⁴ Слиток свинца. (Прим. изд.)

временем я снял с себя шляпку, так как не нуждался в искусственных приспособлениях, чтобы скрывать свое лицо. Когда я находился приблизительно на середине реки, я услышал бой часов на церковной колокольне и остановился, чтобы вслушаться. Удары колокола доносились слабо, но явственно, и я сосчитал ровно одиннадцать. Причалив к переднему мысу, я, несмотря на усталость, не позволил себе передохнуть, а поспешно вошел в лес, где находилась прежняя моя стоянка, и развел там на высоком, сухом пригорке большой, яркий костер. За тем я вскочил обратно в свою лодку и, с величайшим усердием работая веслами, быстро спустился на пол торы мили ниже. Там я сошел на берег и пробрался сквозь лес вверх по холму в пещеру. Джим лежал там совершенно спокойно, объятый крепким сном. Я его разбудил и сказал:

— Вставай, Джим, и пошевеливайся скорее! Нельзя терять ни минуты! Напали на наш след.

Джим не стал меня расспрашивать и не сказал ни единого слова, но из того уже, как он работал в течение ближайшего получаса, можно было составить себе ясное представление о том, до какой степени он испугался. К тому времени все без исключения наши пожитки были уже на плоту, совершенно готовом к отплытию из-под покрова свешивавшихся над ним ивовых ветвей. Необходимо добавить, что тотчас же по прибытии

моем в пещеру мы потушили горевший у входа костер и не позволяли себе зажечь вне пещеры хотя бы даже фонарь.

Отведя челнок на некоторое расстояние от берега, я внимательно осмотрел реку. Если на ней и плыла где-нибудь лодка, то ее все же нельзя было бы заметить, так как при звездах, в темную ночь, вообще нелегко что-нибудь различить вдали. Мы с Джимом вывели плот из бухточки и пустили его вниз по течению, держась темной полосы близ берега острова, не осмеливаясь разговаривать друг с другом даже шепотом до тех пор, пока не оставили за собой остров.

Глава XII

Медленное плавание. — Заимствования. — Пристаем к пароходу, потерпевшему крушение. — Заговорщики. — Нравственное поучение. — Охота за лодкой.

Было уже, вероятно, около часа ночи, когда мы оставили наконец остров, и плот наш, казалось, еле двигался. Если бы за нами погналась лодка, мы рас считывали пересечь в челнок и переправиться в нем на Иллинойский берег. Хорошо, что такой погони не было, так как мы не подумали даже уложить заранее в челнок ружье, удочку и какие-нибудь съестные припасы. Мы слишком

торопились, чтобы обдумать все как следует, хотя в действительности было очень безрассудно поместить все наши пожитки только на плот.

Если Лофтус с товарищем приехали ночью на ост ров, то они, без сомнения, нашли разведенный мною костер и караулили возле него целую ночь, поджидая Джима. Во всяком случае, нам они не помешали, и если мне не удалось их обмануть устройством костра, то в этом нельзя меня обвинить. Я сделал все что мог, чтобы их провести.

Как только начало светать, мы привязали плот к так называемой буксирной косе в большой бухте на Иллинойском берегу. Нарубив топором ветвей хлопкового дерева, мы прикрыли им плот, так что он производил впечатление маленького берегового мыска. Буксирной косой называют у нас в реке песчаную косу, густо поросшую хлопковыми деревьями, торчащими из нее наподобие зубьев какой-нибудь огромнейшей бороны.

По Миссурийскому берегу тянулись горы, а по Иллинойскому — густые леса. Фарватер шел тут ближе к Миссурийскому берегу, а потому нам нечего было опасаться случайной встречи с кем-нибудь. Мы про стояли целый день, следя за плотами и пароходами, плывшими вниз по течению близ Миссурийского берега, тогда как пароходы, шедшие вверх, держались середины реки, где им не так трудно бороться с течением. К тому времени я

пересказал Джиму уже весь свой разговор с госпожой Лофтус. Джим объявил, что она ловкая баба и что если бы она сама отправилась на поиски, то ни под каким видом не осталась бы сторожить костер, а привела бы с собой ищеек и принялась с ними разыскивать наши следы.

— Отчего же она не посоветовала мужу захватить с собой собак? — осведомился я у Джима.

— Без сомнения, ей это и пришло в голову, но лишь в то время, когда ее муж собрался ехать на остров, — возразил Джим.

Я же полагал, что самому Лофтусу пришлось идти вторично в город за собакой и что лишь благодаря этому обстоятельству он и его товарищ замешкались. В противном случае, мы не находились бы теперь на буксирной косе в пятнадцати или шестнадцати милях ниже С.-Питерсбурга, а вероятнее всего, были бы теперь уже в этом городе, или, вернее, деревушке. Я, со своей стороны, объявил, что мне совершенно безразлично, по какой именно причине нас не удалось изловить. Меня интересует преимущественно сам факт, что это не удалось. Все остальное трын-трава.

Едва только начало смеркаться, мы позволили себе выглянуть из чащи хлопковых деревьев и окинули при стальным взглядом всю реку как

вверх, так и вниз по течению. Ровнехонько ничего на ней не было видно, а потому Джим, сняв несколько верхних досок плота, выстроил из них изящный шалаш, в котором можно было укрываться от грозы и непогоды и сохранить пожитки сухими. Джим сделал в шалаше пол, подняв его на фут или на два над уровнем плота, так что наши одеяла и прочие пожитки не подвергались более опасности промокнуть от волн, вздымаемых пароходами. Как раз по середине шалаша мы наложили поверх пола пласт глины, толщиной в полфута, и огородили этот пласт стенкой, выложенной тоже из глины. Там мы решили раз водить костер в холодную и сырую погоду. Благодаря шалашу костер этот оказывался скрытым от посторонних глаз. Изготовив себе запасное рулевое весло на случай, если которое-нибудь из двух других обломится, за вязнет или вообще по каким-нибудь причинам придет в негодность, мы укрепили у себя на плоту коротенький шест с развилиной, чтобы вешать на нем фонарь, так как по закону полагалось вывешивать зажженный фонарь каждый раз, когда показывался пароход, шедший по течению. Для пароходов, идущих против течения, предписывалось зажигать фонари лишь на так называемых разъездах. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и многие отмели находились под

водой, а потому пароходы, шедшие вверх по реке, не всегда придержи вались фарватера, а зачастую шли стороной, где течение значительно слабее.

Во вторую ночь мы плыли часов семь или восемь, причем течение несло нас со скоростью приблизительно четырех миль в час. Мы занимались рыбной ловлей, беседовали друг с другом, а по временам купались и плавали возле плота, чтобы освежиться и прогнать от себя дремоту. Было что-то торжественное в нашем путешествии вниз по течению такой громадной, спокойной реки. Мы преимущественно лежали на спине и глядели на звезды, почти не осмеливаясь нарушать окружавшую тишину, а потому обыкновенно не решались говорить громко и очень редко хохотали, ограничиваясь в большинстве случаев сдержанным хихиканьем. Погода стояла, вообще говоря, превосходная, и с нами не приключилось ничего достопримечательного ни во вторую, ни в третью, ни в четвертую, ни даже в пятую ночь.

Каждую ночь мы плыли мимо городов; некоторые из них стояли на мрачных склонах холмов и производили впечатление яркой полосы огоньков. С реки нельзя было отличить отдельных домов. В пятую ночь мы проплыли мимо Сен-Луи, погруженного в такой же непробудный сон, как и весь остальной мир. В Питерсбурге я слышал, будто

в Сен-Луи живет от двадцати до тридцати тысяч человек, но это представлялось мне не правдоподобным, и я поверил такой многочисленности населения только в эту пятую ночь, увидев, как далеко раскинулись там уличные фонари. Никакого звука от туда до нас не доносилось; все словно вымерло.

Каждый вечер, часам к десяти, я выходил обыкновенно на берег в какой-нибудь деревушке и по купал центов на десять или на пятнадцать муки, свинины или иных съестных припасов. Если мне при этом попадался цыпленок, плохо сидевший на насесте, то я его также забирал. Папаша всегда, бывало, говаривал, что никогда не следует упускать случая захватить с собой цыпленка. «Если он не нужен тебе самому, то, наверное, пригодится кому-нибудь другому, а добродетель никогда не остается без воз награждения». Мне никогда не случалось видеть, чтобы цыпленок не понадобился самому папаше, но все-таки он строго придерживался вышеприведенной поговорки.

Утром, до рассвета, я забирался на баштаны⁵ и поля, засеянные кукурузой, чтобы позаимствовать от туда арбуз, дыню, полусозревшие початки

---

⁵ Огород, засеянный дынями, арбузами, тыквами. (Прим. изд.)

кукурузы и тому подобное. Папаша всегда говорил, что в этом нет ничего дурного, если имеешь намерение когда-нибудь расплатиться. Вдовушка, напротив, объявила заимствование просто-напросто воровством и утверждала, что ни один порядочный человек себя до того не допустит. По мнению Джима, и вдовушка, и мой отец, оба были до некоторой степени правы. Поэтому он находил, что для нас лучше всего будет заранее отказаться от двух или трех видов плодов или овощей, дав себе слово не заимствовать их более. Тогда можно будет с чистой совестью заимствовать плоды и овощи, принадлежащие к другим видам. Мы обсуждали этот вопрос целую ночь, плывя по реке вниз по течению, и находились в недоумении, от чего именно нам следует отказаться: от арбузов, дынь канталуп или чего-нибудь другого? К рассвету мы пришли на этот счет к удовлетворительному решению и объявили, что не станем заимствовать помидоры и хрен. До тех пор совесть наша была не совсем спокойна, но теперь мы чувствовали себя настоящими праведниками. Я был очень рад, что мы остановились на этом решении, так как не особенно интересуюсь хреном, а помидоры могли созреть не раньше как месяца через два или три. Временами нам удавалось застрелить утку или гуся, позволявших себе проснуться слишком рано утром или же не отправиться своевременно на ночлег

вечером. Вообще, принимая во внимание все обстоятельства дела, мы порядком-таки роскошествовали. В пятую ночь, после того как мы спустились ниже Сен-Луи, нас захватила страшная буря с громом и молнией, причем дождь лил положительно как из ведра. Забравшись в шалаш, мы предоставили самому плоту заботиться, как знает, о своей участи. При блеске молнии можно было разглядеть впереди большую реку, тянувшуюся совершенно прямо и окаймленную с обеих сторон высокими утесами. Выглянув однажды при блеске молнии, я крикнул Джиму: «Взгляни-ка, пожалуйста, что там такое!» Это был пароход, разбив шийся о скалу. Нас несло течением прямо к нему. Бесперывно сверкавшая молния позволяла разглядеть пароход как нельзя лучше. Он сильно накренился, причем всего лишь часть палубы виднелась над водой. Можно было заметить, что на шканцах все содера жась в идеальной чистоте и исправности: возле большого колокола стояло кресло, на спинке которого еще висела мягкая войлочная шляпа. Было уже часа три или четыре пополуночи; буря еще продолжалась, и все кругом имело такой таинственный вид, что я ощутил неудержимое стремление, которое на моем месте испытал бы всякий дру гой мальчик при виде парохода, потерпевшего крушение, грустно лежавшего на острых камнях, тор чавших

посередине реки. Мне страшно захотелось взобраться на пароход, пошарить там немножко и посмотреть, не найдется ли чего-нибудь интересного. Поэтому я сказал:

— Пристанем к нему, Джим.

Негр снова упрямылся и возражал:

— Я вовсе не намерен так сумасбродствовать! За чем будем мы приставать к разбившемуся пароходу?! «Дурак тот, кто суется в беду», — говорится в хороших книгах. Того и гляди, что для нас выйдет там в чужом пиру похмелье! Еще может быть, что на разбитом пароходе оставлен караульный.

— Какой там караульный! — возразил я. — Там не чего караулить, кроме буфета и капитанской каюты. Я думаю, что даже твоя бабушка навряд ли согласилась бы рисковать своей жизнью из-за подобных пустяков в такую ночь, как нынешняя, когда пароход ежеминутно может разбиться на куски, которые тотчас же подхватит и разнесет бурное течение.

Джим не нашелся, что ответить, а потому промолчал. Тогда я добавил:

— Прими во внимание, что мы могли бы, пожалуй, позаимствовать что-нибудь путное в капитанской каюте. Наверное, там найдутся сигары, за которые заплачено наличными деньгами по пять центов за штуку. Ка питаны здешних пароходов все

люди богатые: они получают по шестьдесят долларов в месяц жалованья и не станут торговаться из-за какого-нибудь цента, если им, например, придется по вкусу сигары. Засунь-ка себе свечу в карман, Джим! Я ни за что не успокоюсь, пока мы не осмотрим обстоятельно этот пароход. Неужели ты думаешь, что Том Сойер упустил бы такой редкий случай? Нет, он бы его не упустил ни за какие коврижки! Он сказал бы, что это интересное приключение, и так бы и назвал это — приключением. Том взобрался бы на разбитый пароход, даже если бы знал, что там ждет его неминуемая гибель. И с каким шиком сделал бы он все это! Он стал бы потом всю жизнь гордиться таким подвигом. Ведь в некотором роде он оказался бы в положении Христофора Колумба, открывающего Новый Свет! Жаль, что с нами нет теперь Тома Сойера!

Джим поворчал немного, но уступил. Он объявил, однако, что в связи с близостью парохода, потерпевшего крушение, нам следует разговаривать как можно тише и только шепотом. Сверкнувшая при этом молния показала, что мы подошли уже вплотную к пароходу. Мы уцепились за веревку, свисавшую с вóрота^б, и при вязали к ней плот.

---

^б Лебедка, рычаг. (Прим. изд.)

Палуба была поднята с этой стороны очень высокой; взобравшись на нее, мы осторожно спустились вниз по ее скату к левому борту и направились к буфету, осторожно ощупывая дорогу ногами и широко раскидывая руки, чтобы не наткнуться как-нибудь на ванты, так как в темноте их совершенно нельзя было разглядеть. Вскоре мы добрались до перед него люка и спустились по лестнице. Вслед за этим мы оказались у раскрытых дверей капитанской каюты, но в то же мгновение, к величайшему своему изумлению, увидели в буфете свет и услышали там сдержанные голоса.

Джим прошептал, что чувствует себя не в своей тарелке, и посоветовал мне удалиться вместе с ним восвояси. Я одобрил его решение и собирался уже вернуться назад на плот, как вдруг услышал жалобный голос, который проговорил:

— Пожалуйста, не обижайте меня, ребята, я вас не выдам!

Другой голос возразил ему довольно громко:

— Ты лжешь, Джим Тернер! У тебя это вошло в привычку! Ты всегда требовал себе больше законной доли добычи, и тебе постоянно уступали, так как ты божился, что в противном случае нас выдашь. На этот раз ты повторил ту же самую шутку, но дело твое не выгорело. Мы прекрасно знаем, что ты самый подлый изменнический пес во

всей округе!

Тем временем Джим отправился к плоту; во мне же разгорелось любопытство, и я сказал себе самому, что Том Сойер при таких обстоятельствах ни за что бы не попятился назад. Поэтому я и остался посмотреть, что будет дальше. Я стал на четвереньки в узеньком коридоре и пополз осторожно к буфету, так что под конец между мною и буфетом осталась всего лишь одна парадная каюта. Я увидел там человека со связанными руками и ногами, лежавшего на полу; над ним стояли двое других: один из них держал в руке тускло горящий фонарь, а другой был вооружен пистолетом. Этот последний, нацелившись из пистолета прямо в голову незнакомца, лежавшего на полу, сказал:

— С каким удовольствием я его пристрелю! По крайней мере, хоть одной подлой вонючкой будет меньше.

Человек, лежавший на полу, вздрагивал, ежился и упрашивал:

— Пожалуйста, не делай этого, Билль. Я вовсе не собирался на вас доносить.

Каждый раз, когда он говорил это, человек с фонарем смеялся и возражал:

— Ты ведь еще не убит! Если бы ты попробовал когда-нибудь донести на нас, тебя бы давно уже не было в живых! — Затем, обращаясь к

товарищу, он добавил: — Как он теперь молит нас о пощаде! А ведь если бы нам не удалось свалить его с ног и связать, он убил бы нас обоих и, спрашивается, за что? Так себе, за здорово живешь! Единственно лишь за то, что мы хотели получить следовавшую нам по закону долю. Надеюсь, что теперь, Джим Тернер, ты не станешь грозить никому больше! Убери свой пистолет, Билль!

— Это вовсе не входит в мои соображения, Джек Паккарт! Я нахожу, что его следует убить. Он сам ведь убил совершенно таким же образом старика Гатфильда. Разве ты находишь, что он не заслужил смерти?

— Я не хочу, чтобы его убивали, и у меня имеются на это свои причины.

— Благослови Бог твое сердце за эти слова, Джек Паккарт! Я всю жизнь буду помнить твою доброту! — проговорил чуть не с рыданием в голосе человек, лежавший на полу.

Паккарт не обратил никакого внимания на его слова. Повесив фонарь на гвоздь, он вошел в темный коридор, где я находился, и дал Биллю знак следовать за собою. Я отполз шага на два со всевозможной для меня поспешностью, но пароход так сильно накренило, что я не мог слишком быстро подаваться вперед. Опасаясь, что меня, чего доброго, нагонят и изловят, я заполз в первую же попавшуюся каюту правого борта. Джек Паккарт

следовал за мною почти по пятам и, дойдя до той самой каюты, обратился к шедшему за ним товарищу со словами:

— Иди сюда, нам здесь удобнее будет переговорить!

В следующее мгновение он вместе с Биллем был в каюте, но прежде чем они вошли туда, я забрался уже в дальний ее угол на верхнюю койку, сердечно сожалея, что не удалился своевременно с парохода. Оба негодяя прошли в тот самый угол, где я спрятался, и, придерживаясь руками за боковую решетку койки, принялись беседовать друг с другом. Я не мог разглядеть их в темноте, но от них обоих так разлило водкой, что я чутьем угадывал, где каждый из них находился. К счастью, я сам водки не пью, но, впрочем, если бы я даже и пил, то в данную минуту это не могло бы мне повредить. Все время, пока они стояли возле меня, я от страха почти не осмеливался дышать; кроме того, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог вообще дышать, слушая то, что они говорили друг другу. Разговор между ними был очень серьезный и оживленный, хотя они и вели его вполголоса. Билль, непременно хотевший убить Тернера, сказал:

— Джим обещал нас выдать и выдаст! Если бы мы согласились даже уступить ему обе наши доли, то теперь, после ссоры, в которой мы его так

отпотчевали, это ни к чему бы не привело. Так же верно, как то, что мы оба родились в свое время на свет Божий, он донесет на нас и воспользуется помилованием, обещанным доносчику. Вот именно ввиду всего этого я и хочу избавить его от всех дальнейших хлопот и неприятностей.

— Я совершенно разделяю твое мнение, — спокойно и хладнокровно согласился Паккарт.

— А я, черт возьми, начал было уже в этом сомневаться! Ну, в таком случае нам не о чем и спорить! Пойдем и ужокошим его сейчас же!

— Обожди минутку! Я не успел еще высказать свое мнение. Послушай, любезнейший, застрелить человека, разумеется, можно, но существуют способы отделаться от него более удобным образом, если уж надо решиться на такую крайность. Я, со своей стороны, хочу обратить твое внимание только на одно обстоятельство: совершенно безрассудно делать такие вещи, за которые полагается в награду веревочная петля, если можно достигнуть своей цели иным способом, при котором не подвергаешься никакому риску. Правильно я говорю?

— Понятное дело, правильно! Не знаю только, как ты рассчитываешь применить твои рассуждения к нашему случаю?

— Очень просто! Я предлагаю пошарить здесь хорошенько на пароходе, подобрать в каютах все,

что мы оставили еще там, а затем съехать на берег и спрятать нашу добычу в надежное место. Затем мы обождем на берегу. Могу поручиться чем угодно, что не пройдет и двух часов, как этот пароход разобьет в щепы и унесет все остатки по течению. Теперь ты, разумеется, поймешь, к чему я все время клоню. Он утонет и должен будет винить за это единственно только самого себя. Я нахожу такую комбинацию гораздо выгоднее убийства. Вообще, я не расположен убивать никого, если можно обойтись без этого. Лишнее убийство безрассудно и безнравственно! Верно ведь я говорю? Разве я не прав?

— Положим, что так. Я не намерен против этого спорить. Допустим, однако, что пароход не разбило в щепы и не разнесло волнением. Что будем мы тогда делать?

— Ничто не помешает нам тогда вернуться сюда, на пароход, и принять какое-нибудь другое решение. Во всяком случае, совесть у нас будет тогда спокойнее. Мое мнение — обождать! Торопиться ведь ни к чему.

— Ну, что же, я на это согласен! Примем же скорей за работу!

Они ушли, а я выскользнул вслед за ними, обливаясь холодным потом, и поспешил выбраться на палубу в носовой части, где привязан был наш плот. Там сто яла такая темень, что нельзя было

ничего различить. Нагнувшись за борт, я шепотом позвал Джима, и, к величайшему моему удивлению, он оказался рядом со мной, но отвечал на оклик голосом, похожим скорее на стон. Я не обратил сперва на это внимания и сказал:

— Живее пошевеливайся, Джим! Нам некогда теперь дурачиться и ныть. Здесь на пароходе шайка убийц. Если мы не разыщем их лодку и не спустим ее вниз по течению так, чтобы лишить этих молодцов возможности покинуть этот пароход, одному из них придется очень плохо. Нам непременно надо найти эту лодку; тогда всем им несдобровать! В самом лучшем для них случае, полиция притянет их к ответственности. Поторопись же, приятель! Я осмотрю левую, а ты правую стороны, начиная с того места, где приязан наш плот, и...

— Ах ты, Господи! Откуда же я стану начинать, когда теперь нашего плота нет и в помине? Он оторвал ся и уплыл, так что теперь мы остались сидеть без него.

Глава XIII

Спасаются с разбитого парохода. — Караульный. — Идем ко дну. — Глу бокий сон.

У меня перехватило дыхание, и я чуть было не лишился чувств. Мы, значит, оказывались

прикованными к пароходу, потерпевшему крушение, и притом очутились в обществе грабителей и убийц. Впрочем, нам некогда было сентиментальничать. Теперь было безусловно необходимо отыскать лодку и воспользоваться ею самим. Поэтому мы принялись за свой обход, но только пошли для большей безопасности оба вместе, вдоль правого борта. Вследствие наклонного положения палубы мы с трудом лишь держались на ногах и подвигались вперед очень медленно, так что когда, наконец, добрались до кормы, мне казалось, будто мы шли туда целую неделю. Не было никаких следов лодки. Джим объявил, что навряд ли будет в состоянии идти дальше: от страха ноги у него подгибались. Я объяснил ему, что все равно необходимо идти, так как если мы останемся на разбитом пароходе, то непременно погибнем. Это на него подействовало, и кое-как мы поплелись дальше. Левый борт был под водой, доходившей почти до люков на палубе. Нам было тут еще труднее держаться на ногах, но, цепляясь кое-как, придерживаясь за решетки, которыми были огорожены люки, и перебираясь ползком от одного люка до другого, мы добрались наконец до главного люка и возле него нашли лодку. Увидев ее, я невыразимо обрадовался и в следующее мгновение оказался бы уже там, но как раз в это время дверь главного люка отворилась и

один из разбойников вы сунул оттуда голову, всего лишь в расстоянии какого-нибудь аршина от меня. Я считал себя совершенно пропавшим, но он снова юркнул вниз и крикнул:

— Убери прочь этот проклятый фонарь!

Тотчас же разбойник вернулся, бросил в лодку какой-то мешок, сошел туда сам и уселся в лодке. Это был Паккарт. Немедленно после того Билль вышел на палубу и тоже сел в лодку. Паккарт, понизив голос, проговорил:

— Ну, теперь у нас все готово! Отчаливай.

Я до такой степени ослаб, что едва мог держаться на четвереньках. Руки и ноги мои скользили по мокрой наклонной плоскости. В это время Билль спросил:

— Послушай-ка, ты его обыскал?

— Нет! Ну, а ты?

— Я тоже упустил это из виду, а между тем он ведь получил уже свою долю наличных денег!

— Ну, а как ты думаешь? Он не заподозрит, какую именно штуку мы собираемся с ним выкинуть?

— Может быть, и не заподозрит. А впрочем, нам во всяком случае надо отобрать у него деньги. Пойдем-ка! Что за толк забирать с собой всякий хлам, а деньги оставлять на съедение рыбам.

С этими словами они вылезли из лодки и взобрались опять на пароход.